

ДЕПАРТАМЕНТ ОБРАЗОВАНИЯ ГОРОДА МОСКВ
МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР СОЦИАЛЬНОЙ
И СУДЕБНОЙ ПСИХИАТРИИ ИМ. В.П. СЕРБСКОГО»
ФЕДЕРАЛЬНОГО АГЕНТСТВА ПО ЗДРАВООХРАНЕНИЮ
И СОЦИАЛЬНОМУ РАЗВИТИЮ

**МАТЕРИАЛЫ
КОНФЕРЕНЦИИ
ПО ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ,
ПОСВЯЩЕННОЙ ПАМЯТИ
М.М. КОЧЕНОВА**

ЧАСТЬ II

Москва
МГППУ
2005

ББК 88.47.

М 34 Материалы конференции по юридической
психологии, посвященной памяти М.М.
Коченова.
Часть II. — М.: МГППУ, 2005. — 64 с.
ISBN 5-94051-014-0

ББК 88.47

ISBN 5-94051-014-0

© МГППУ, 2005

**ЮВЕНАЛЬНАЯ
ПСИХОЛОГИЯ**

Психосоциальное лечение несовершеннолетних правонарушителей с выраженными психическими расстройствами

В.Г. Булыгина
Москва

Происходящая в последнее время эволюция научных взглядов на генез ООД отразилась и на практике принудительного лечения (ПЛ). Традиционные подходы к лечению, сводившиеся, как правило, к изоляции больных и медикаментозному воздействию, сменились поиском и внедрением современных форм и методов лечебно-реабилитационной работы. Социально-реабилитационные мероприятия в отношении несовершеннолетних психически больных, совершивших ООД по негативно-личностным механизмам, начинают играть ведущую роль в период проведения ПЛ.

Вместе с тем существует практика калькирования зарубежных программ психосоциальной реабилитации, разработанных в рамках общепсихиатрической практики. Есть ряд общих положений психосоциального лечения вне зависимости от области его применения.

1. Психосоциальное лечение затрагивает, прежде всего, социальное функционирование, профессионально-технические, образовательные, семейные навыки. Их изменения, вероятно, произойдут только тогда, когда психосоциальное лечение будет направлено непосредственно на специфические области навыков или функционирования и сможет обеспечить обучение или компенсационную поддержку в этих областях. Психосоциальное лечение может уменьшить симптомы или риск их повторения таким образом, что больные будут эффективны и мало подвержены стрессорам, которые могут вызвать обострения, и тем самым увеличить сопротивляемость индивидуума болезни за счет хорошего овладения навыками.

2. Психосоциальное лечение, так же как и фармакологическое, имеет связанные с дозировкой терапевтические и побочные эффекты. Если психосоциальное лечение (например, обучение навыкам) хорошо структурировано и возрастающий эффект рассчитан на достаточное число сессий соответствующей продолжительности, это может иметь значительный положительный результат. Но, если психосоциальное лечение не структурировано и действует сверхстимулирующе, возникающее у больного отвращение может привести к усилению симптомов. Психосоциальное лечение необходимо осуществлять в течение длительных периодов и поддерживать его терапевтическую и реабилитирующую выгоду для пациента.

3. Психосоциальное лечение приносит наибольшую пользу пациентам с устойчивыми симптомами или с редуцированной продуктивной симптоматикой. В этих случаях они способны принять помощь и собственное восстановление.

4. Самое эффективное психосоциальное лечение — обеспечивается ли оно индивидуальной, групповой или семейной терапией, осуществляется в амбулаторных или стационарных условиях — это то лечение, которое по содержанию ориентировано на практику, предоставляет конкретное решение каждодневных проблем пациента, определенных и достижимых личных задач, формирует социальные навыки.

Что касается принудительного лечения правонарушителей с выраженными психическими расстройствами, то оно имеет важные отличия от лечения больных, не совершавших ООД. У последних оно сосредоточивается на облегчении симптомов. Принудительное лечение в первую очередь направлено на снижение общественной опасности и риска совершения больными повторных противоправных деяний. Второе отличие заключается в том, что именно в процессе стационарного принудительного лечения, длящегося в среднем 3—3,5 года, и в структуре четырехступенчатой системы медицинских мер принудительного характера возможно постоянное, непрерывное осуществление разнообразных форм и методов психосоциального лечения.

Таким образом, психосоциальное лечение данного контингента больных должно сосредоточиться на стабилизации болезни, повышении независимого функционирования, обеспечении внутреннего и внешнего контроля, который препятствует совершению ими агрессивных и иных нарушающих социальные нормы действий.

Специалисты, занятые психосоциальной реабилитацией, ожидают, что несовершеннолетние правонарушители с выраженными психическими расстройствами в результате лечения получают некоторое понимание роли их психического заболевания в прошлом и потенциальном будущем опасном поведении, а также того, что они должны избегать поведения или ситуаций, которые могли бы увеличить риск криминальной активности или ухудшения их клинического состояния.

О роли психологии в ювенальном судопроизводстве

Е.Л. Воронова
Ростов-на-Дону

Одним из направлений судебной-правовой реформы в России является формирование специализированной судебной системы по делам несовершеннолетних.

В последние годы как среди ученых, так и юристов-практиков активно обсуждаются разные точки зрения и проекты путей создания такой системы, в том числе проекты законов о ювенальных судах и ювенальной юстиции, в российских регионах в порядке эксперимента отрабатываются раз-

личные элементы ювенальной юстиции и модели отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, учитывающие различный зарубежный опыт. Определенный опыт в становлении правосудия по делам несовершеннолетних накоплен в Ростовской области¹.

Верховный Суд Российской Федерации и Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации определили Ростовскую область в качестве базовой по совершенствованию правосудия по делам несовершеннолетних и ювенальной юстиции.

Конституционное закрепление норм международного права как части правовой системы России явилось безусловным стимулом к развитию нового российского законодательства, воспринявшего принципы и нормы международного права. Особенно заметен этот процесс законотворчества в области прав и свобод несовершеннолетних, гуманизации нового российского уголовного и уголовно-процессуального законодательства, учитывающего положения Конвенции ООН о правах ребенка, Минимальных стандартных правил ООН, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних («Пекинских правил»). Задачи уголовного закона — предупреждение преступности, в том числе преступности несовершеннолетних, — сегодня решаются иначе, чем по УК РСФСР 1960 г. В методах общей и специальной профилактики акцент переносится на обеспечение прав и законных интересов детей во всех сферах жизнедеятельности, особенно детей, оказавшихся в конфликте с законом. Формируется подход к проблеме предупреждения подростковой преступности с учетом несовершеннолетних как особой группы населения, которая нуждается в повышенной защите, приоритетным при этом является социальная профилактика.

В Ростовской области судебный процесс с участием несовершеннолетнего предусматривает углубленный индивидуальный подход к такому участнику процесса, сохранение приоритета личного и социального благополучия ребенка при вынесении решения по делу; реализуются предусмотренные законодательством меры, призванные восстановить нарушенные социальные связи ребенка, вернуть его в нормальные социальные условия и преодолеть последствия уголовной репрессии. Налажен механизм взаимодействия ювенальных судей с социальными службами (органами и учреждениями системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних и защиты их прав), в первую очередь с психологами и социальными педагогами, которые судом, в соответствии со ст. 58 УПК РФ, активно привлекаются к участию в рассмотрении дела несовершеннолетнего. Это, прежде всего, специалисты психолого-медико-педагогических центров и служб органов образования Ростовской области. С их помощью исследуются условия жизни и вос-

¹ См.: *Воронова Е.Л.* Становление правосудия по делам несовершеннолетних — опыт Ростовской области // «Российская юстиция». 2005. № 3. С. 48—52.

питания несовершеннолетних, уровень психического развития и иные особенности их личности (ст. 421 УПК РФ): проводится комплексное психолого-медико-педагогическое обследование и готовятся предложения по психокоррекции и социально-психологическому сопровождению несовершеннолетнего после судебного решения. Мнение указанных специалистов учитывается судом при решении вопросов уголовной ответственности несовершеннолетних в соответствии с положениями ст. 20 УК РФ, применения к несовершеннолетним принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 90—92 УК РФ), назначения условного наказания (ст. 73 УК РФ). Одновременно с принятием решения о применении принудительных мер воспитательного воздействия либо о наказании суд, в соответствии со ст. 29 УПК РФ, своим частным постановлением поручает органам и учреждениям системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних организовать *индивидуальную профилактическую работу* с несовершеннолетним и его семьей. Такая работа предусматривает социально-педагогическую реабилитацию, в том числе с участием психологов и социальных педагогов. Вынесение судом частных постановлений по делам и материалам несовершеннолетних в адрес уполномоченных органов и служб сегодня является наиболее эффективным средством помощи подросткам, чьи права объективно нарушены сложной жизненной ситуацией, следствием которой явилась безнадзорность, беспризорность, правонарушение (преступление). Такое частное постановление суда — основа помощи детям «группы риска» и правовая основа психокоррекционной работы специалистов. Совершенствование судопроизводства по делам несовершеннолетних, в свою очередь, требует совершенствования работы специалистов-психологов, поиска новых методов психодиагностики и психокоррекции, их научного осмысления.

Заметки о восстановительном подходе в ювенальной юстиции

Р.Р. Максудов
Москва

Восстановительный подход позволяет связать разные по своей институциональной природе способы — юридические и гуманитарно ориентированные. В совокупности они позволяют соединить качественно различные процессы, без запуска которых затруднительно работать с криминальным и отклоняющимся поведением несовершеннолетних в оппозиции к существующей сейчас в России репрессивной практике.

Поясним сказанное. С чем имеют дело специалисты, работающие с криминальным поведением подростка? Можно выделить два процесса — процесс выпадения подростка, совершившего уголовно наказуемое деяние, из позитивных социальных связей и процесс последствий преступления.

Начальным шагом для работы с этим процессом является анализ ситуации ребенка. Этот анализ необходим для понимания того, что можно в этой ситуации делать и как это делать. При этом необходимо понимать, что ситуация, в которой находится ребенок, есть ситуация приспособления (адаптации) его к реальности. Анализ ситуации¹ должен позволить наметить путь действия специалистов и общественности по ее изменению. В то же время такой анализ вплетен в шаги к ее изменению. Поэтому мы говорим о персонализированном контакте с ребенком и начале изменения этой ситуации. Изменения должны включать запуск трех процессов:

- 1) реабилитации (восстановление или становление новых способностей);
- 2) реинтеграции (восстановление или становление позитивных связей с сообществом);
- 3) заглаживания вреда, причиненного преступлением.

Здесь важно удерживать разнокачественную последовательность этих изменений. Нужно организовать такие действия, в результате которых «пробудился» бы собственный потенциал ребенка и его ближайшего окружения к изменениям². Поэтому мы говорим об искусственном пробуждении новых процессов, но таких процессов, в которых сам ребенок и его окружение были бы заинтересованы и в этом плане началось бы самодвижение структуры «ребенок — его окружение»³. В этом состоит суть первоначально организуемого взаимодействия с ребенком. И далее необходимо поддерживать самодвижение, но это уже другой тип деятельности, нежели первоначально организуемый.

Одной из важнейших задач в ходе искусственно организуемых процессов самодвижения подростка и его ближайшего окружения является подбор формы работы, позволяющей в принципе сделать возможными значительные изменения, поскольку клеймящий способ реагирования, который сегодня практикуется в уголовном правосудии, затрудняет это переход. Представляется, что программы восстановительного правосудия — наиболее адекватная форма организации этого процесса.

¹ Модель выпадения подростка из позитивных социальных связей разработана Анной Тихомировой и Вячеславом Москвичевым, специалистами Центра поддержки растущего поколения «Перекресток».

² Здесь, конечно, важно прочертить возрастные границы такого процесса, и здесь мы имеем в виду подростковый возраст.

³ Идею о необходимости учета взаимосвязи ситуации ребенка и такого искусственного действия, которое должно вызвать естественное самодвижение ребенка, высказала Людмила Карнозова на конференции «Восстановительный подход к решению проблемы социально-психологической дезадаптации подростков», которая проходила в Центре поддержки растущего поколения «Перекресток» 6 июня 2003 г.

Для того чтобы провести программу примирения жертвы и правонарушителя, должна быть создана разносторонняя структура, включающая как минимум три преобразованных способа — способ деятельности специалиста в области уголовной юстиции, способ деятельности ведущего программ примирения и способ деятельности участников криминальной ситуации, то есть самих жертв, правонарушителей и их ближайшего окружения¹. Сочетание этих трех способов позволяет достигнуть нужных результатов в проведении программ примирения и разрешить криминальную ситуацию на базе принципов восстановительного правосудия. Связь этих трех способов позволяет говорить о восстановительном реагировании на преступление и о восстановительном подходе, который должны принимать участники такого реагирования. Тем самым вторая составляющая новой ценностной рамки заключается в том, что деятельность специалистов в области уголовной юстиции и гуманитарно ориентированных специалистов должна быть преобразована так, чтобы позволять проводить программы восстановительного правосудия и сформировать инфраструктуры для работы с несовершеннолетними правонарушителями в восстановительном подходе.

Психокоррекционная работа с несовершеннолетними больными шизофренией, совершившими правонарушения

Е.М. Мирошниченко, В.Г. Булыгина
Москва

Основными целями принудительных мер медицинского характера, применяемых в отношении невменяемых лиц с тяжелыми психическими расстройствами, совершивших общественно-опасные действия (ООД), являются лечение и реабилитация для излечения или улучшения их психического состояния и предупреждения совершения ими повторных правонарушений. Проблему реабилитации подростков с психическими расстройствами, совершивших ООД, можно представить в несколько ином ракурсе. Для разработки психокоррекционных мероприятий, конечной целью которых будет снижение риска повторных ООД у несовершеннолетних, необходим учет клинико-психологических факторов, обуславливающих тяжкие расстройства поведения на криминальном уровне.

¹ Необходимым элементом ювенальной юстиции является также социально-психологическая помощь подростку и его семье. Модели интеграции программ восстановительного правосудия, социальной и психологической помощи сегодня отрабатываются специалистами Центра «Судебно-правовая реформа» совместно со специалистами Центра поддержки растущего поколения «Перекресток».

Эмпирические исследования подростков, находящихся на принудительном лечении (ПЛ), выявили важный диспозиционный фактор расстройств поведения — дефицитарность процессов социального информирования. Нарушения процессов социального информирования (распознавания), включающих ряд последовательных шагов, в том числе интерпретацию социальной информации и выбор приемлемых ответов, делают подростков более склонными к агрессивному реагированию в межличностных взаимодействиях. Соответственно, терапевтический процесс (сходный с процедурами научения) должен быть построен так, чтобы помочь подростку усвоить и использовать специфические умения для изменения малоадаптивного интерперсонального стиля, сдержать импульсивный ответ и преодолеть дефициты в социальном познании.

В отношении несовершеннолетних больных шизофренией следует отметить, что в современной концепции шизофрении социально-когнитивному дефициту (в основе которого лежит нейрокогнитивный дефицит) придается самостоятельное, независимое от выраженности и характера продуктивной и негативной симптоматики значение в объяснении снижения социального функционирования больных. Поэтому расширению возможностей больного в области эффективного социального взаимодействия путем тренинга социальных навыков приписывается не только социотерапевтическая, но и профилактическая роль.

Таким образом, в практике ПЛ психокоррекционная и реабилитационная работа с несовершеннолетними больными шизофренией может проводиться в двух направлениях, это тренинг социальных навыков и нейрокоррекция.

Техники сосредоточены на обучении когнитивным навыкам, которые являются «недоразвитыми» (дефицитарными) у данной категории пациентов, они применяются в маленьких группах — от трех до пяти человек, проводятся в течение курса от 18 до 22 сеансов. Для всех используемых программ характерны следующие положения: 1) запрещение импульсивных агрессивных ответов через самообразования; 2) увеличение умений в социально-перспективном принятии, чтобы минимизировать враждебные смещения атрибуций; 3) распознавание физиологических признаков возбуждения и использование их как команды вызова программы, чтобы запустить социальный процесс решения задач; 4) использование мультишаговой социальной стратегии решения задач.

Таким образом, все программы направлены на укрепление уверенного социального поведения, развитие самообладания и эмоциональных стратегий регулирования, использование социального умения решения задач.

Программа когнитивных тренингов планируется индивидуально для каждого больного, с учетом структуры негативного нейропсихологического синдрома. Специфика формирования групп для нейрокоррекционных занятий состоит в том, что в одну группу подбираются больные со сходным нейропсихологическим дефектом, причем численность группы не превышает 4—6 человек. В качестве методического материала выступают

упражнения и задания, используемые в традиционном патопсихологическом эксперименте, которые выполняются совместно с психологом и в парах с другими больными.

К преимуществам описанных выше методик следует отнести апробированность, простоту, возможность применения как при индивидуальной, так и при групповых формах работы, доступность разнородному по образовательному уровню контингенту больных, минимальное материально-техническое обеспечение, а также возможность обучения применению данных методов среднего медицинского персонала.

Структурированная оценка факторов риска совершения подростками агрессивно-насильственных правонарушений

Д.С. Ошевский, Е.Г. Дозорцева
Москва

Предупреждение преступлений против личности, совершаемых подростками, в том числе страдающими психическими расстройствами, является актуальной проблемой. Ее решение невозможно без изучения причин формирования агрессивного поведения. В нашем исследовании определялись факторы риска совершения подростками агрессивно-насильственных общественно опасных деяний (ООД). В качестве диагностического инструмента использовалась методика структурированной оценки факторов риска насилия у подростков «Structured Assessment Violence Risk in Youth (SAVRY)» (Bogum R., Bartel P., Forth A., 2002). Она состоит из четырех разделов, описывающих различные аспекты риска реализации агрессии: «Факторы риска в истории жизни», «Социально-средовые факторы риска», «Индивидуальные факторы риска» и «Защитные факторы». Каждый из них в свою очередь включает от 6 до 10 параметров. Обследовались 92 несовершеннолетних мужского пола, направленных период с 2001 по 2004 г. на стационарную комплексную судебную психолого-психиатрическую экспертизу (КСППЭ) в ГНЦСП им В.П. Сербского в связи с совершением агрессивно-насильственных деликтов. Группу сравнения составили 27 подростков мужского пола, обвиняемых в имущественных правонарушениях. Выборки были уравнены по возрасту, образовательному и социальному статусу. Средний возраст обследуемых — $16,03 \pm 0,87$ года.

Сравнительный анализ результатов обследования групп с помощью SAVRY показал, что агрессивный характер деликта значимо связан с насилием в истории жизни несовершеннолетних. Подростки, обвиняемые в агрессивных ООД, достоверно чаще ($p < 0,05$) непосредственно испытывали на себе или были свидетелями домашнего физического насилия, ус-

ваявая таким образом агрессивные модели разрешения проблемных ситуаций и в дальнейшем повторяя «порочный круг» насилия. Агрессивные модели поведения в семье, по-видимому, перенимаются и закрепляются в силу ряда социальных условий: демонстрации агрессии, приемлемого или позитивного отношения к агрессивным действиям со стороны ближайшего окружения, более высокого статуса взрослого агрессора по отношению к ребенку. Кроме того, у подростков, совершивших агрессивно-насильственные ООД, более чем в трети семей (38,3% случаев) хотя бы один из родителей привлекался к уголовной ответственности, в дальнейшем транслируя ребенку негативные криминальные установки.

Агрессивные паттерны поведения у подростков, совершивших агрессивно-насильственные ООД, начинают формироваться рано, в большинстве случаев уже в детских дошкольных учреждениях. К подростковому возрасту в истории жизни большинства несовершеннолетних основной группы можно проследить множественные (не менее трех) зафиксированные документально агрессивные акты. При этом агрессия направляется не только на окружающих, но и на себя. Попытки самоповреждения и суицида отмечаются у них значимо чаще, чем в группе сравнения ($p < 0,001$). Аутоагрессивному и агрессивному поведению также способствует то, что подавляющее большинство подростков, совершивших агрессивно-насильственные ООД (73,5% случаев), испытывали на себе негативное влияние социально-средовых факторов (неблагоприятная семейная обстановка, отвержение просоциальными сверстниками и др.). При этом адаптационные ресурсы по преодолению социально обусловленного стресса у подростков основной группы существенно снижены.

Среди индивидуальных факторов риска, определяющих насильственный характер ООД, наиболее весомыми являются проблемы совладания с гневом, обусловленные слабой сформированностью интеллектуальных и волевых механизмов сдерживания агрессии. Подростки основной группы испытывают значительно большие, чем их сверстники из группы сравнения, трудности совладания с гневом ($p < 0,001$), который, в силу также свойственной им повышенной сензитивности, может возникать в объективно относительно нейтральных условиях. Пониженная способность рационально разрешать сложные ситуации обуславливает выражение гнева в виде деструктивных форм поведения и физической агрессии. В случае психической патологии данная тенденция проявляется особенно ярко.

Факторами, препятствующими проявлению агрессии и насилия, являются присутствие социальной поддержки ($p < 0,06$) и доверительные отношения подростка со значимыми просоциальными взрослыми ($p < 0,01$), благодаря которым формируются адекватные способы регуляции собственного поведения. Выявленные факторы риска следует учитывать в профилактической и психокоррекционной работе с подростками с делинквентным и криминальным поведением.

Полоролевые образы у девочек-подростков с делинквентным поведением

К.В. Сыроквашина
Москва

За последние годы заметной тенденцией в современном обществе является увеличение числа правонарушений, совершаемых несовершеннолетними девочками, при этом утяжеляется характер противоправных действий. Объясняя явления роста агрессивных действий, ряд авторов привлекает теорию ролей и подчеркивают имеющийся в обществе кризис ролевого поведения в виде смещения традиционных ролей и использования женщинами маскулинных стереотипов поведения (F. Adler, 1975; Hardy A., Howitt D., 1998). Этим определяется актуальность исследования полоролевых характеристик самосознания у девочек с делинквентным поведением.

Полоролевые образы входят в структуру полоролевой идентичности. Полоролевая идентичность, являясь важным образованием в структуре самосознания индивида, играет определяющую роль в регуляции поведения и процессах адаптации (Ениколопов С.Н., Дворянчиков Н.В., 2002). Полоролевая идентичность определяется как составляющая самосознания, включающая представление о себе как мужчине или женщине; обобщенные образы мужественности и женственности и отношение к ним.

Задачей нашего исследования явилось изучение когнитивных аспектов полоролевых образов у девочек-подростков с делинквентным поведением. Основная группа — девочки-подростки с делинквентным поведением, учащиеся СПУ №1 г. Покрова, возраст от 14 до 16 лет ($N = 30$). В качестве контрольной группы выступили девочки, обучающиеся в общеобразовательной школе, возраст от 14 до 16 лет ($N = 25$). Полоролевые образы были измерены при помощи методики «МиФ» (маскулинность и фемининность) (Бессонова Т.Л., 1994; Дворянчиков Н.В., 1998).

По результатам методики нами анализируются следующие образы: образ «Я», образ идеального «Я», образ «идеальной женщины», образ «идеального мужчины». В каждом из них выделяется два измерения: маскулинность и фемининность.

По содержательным характеристикам полоролевых образов у девочек с делинквентным поведением образ «идеальной женщины» оказывается более маскулинным, а образ «идеального мужчины» — фемининным ($p < 0,05$). Также выявляется повышение показателя маскулинности в образе «Я» у делинквентных девочек (17,9), по сравнению с девочками из контрольной группы (16,9), однако такие различия имеют характер тенденций ($p = 0,19$).

При рассмотрении структуры полорольевых образов у делинквентных девочек корреляционная связь между образом «Я» и образом «идеальной женщины» слабее ($r = 0,37$, $p < 0,05$), чем у школьниц ($r = 0,70$, $p < 0,01$). Еще большие различия между группами имеются в связях образа идеального «Я» с другими образами. У делинквентных девочек образ идеального «Я» связан с образом «идеального мужчины» как по маскулинным качествам ($r = 0,73$, $p < 0,05$), так и по фемининным ($r = 0,61$, $p < 0,05$), с образом «идеальной женщины» связи слабее. У школьниц же наиболее сильная связь «Я»-идеала обнаруживается именно с образом «идеальной женщины» ($r = 0,78$ и $r = 0,45$ соответственно, $p < 0,05$).

Подводя некоторые итоги, можно отметить, что у девочек с делинквентным поведением образ «Я» и образ «идеальной женщины» имеют большую маскулинную ориентацию, чем у школьниц. Можно предполагать, что такая маскулинизация связана с социальными установками и поведенческими проявлениями делинквентных девочек, с формирующимся образом «сорванца», находящего общий язык с группами мальчиков, совершающих противоправные деяния. Вместе с тем, несмотря на маскулинизацию образа «идеальной женщины» у девочек с делинквентным поведением, он не вносит такого существенного вклада в реальное и идеальное представления о себе, подобно тому как это происходит у девочек из контрольной группы. Напротив, у делинквентных девочек образ идеального «Я» наиболее сильно связан именно с образом «идеального мужчины». Может быть высказано предположение о стремлении делинквентных девочек идентифицироваться с сильной мужской фигурой, что и находит отражение в содержании и структуре полорольевых образов. Выявленные особенности полорольевых образов могут оказывать влияние на поведение девочек и их социальную адаптацию.

Полученные нами данные могут учитываться при коррекционной работе с девочками-подростками с делинквентным поведением.

Семейный контекст делинквентного поведения девочек-подростков с отклоняющимся поведением

С.А. Терехина
Москва

Одной из наиболее тревожных тенденций, связанных с проблемой подростковой преступности во всем мире, является возрастающая криминальная активность несовершеннолетних женского пола. Неблагоприятные условия воспитания в родительской семье предопределяют не только формирование отклоняющегося поведения девочек-подростков, но и проблемный характер их дальнейшей самореализации в качестве матери и жены. Поэтому делинквентное поведение девочек необходимо рассматривать в более широком социальном контексте, включая родительскую и собственную будущую семью.

В целях диагностики проблем семейной сферы наряду с анализом объективной информации о родительской семье и опросниками целесообразно использование полуструктурированного интервью для оценки динамического аспекта семейной ситуации и содержательной характеристики «образа родительской семьи». С помощью данного метода нами были обследованы 30 воспитанниц специальных учебных заведений закрытого типа г. Покрова и г. Чехова, средний возраст которых составил $15,3 \pm 1,0$ года. С каждой из 30 воспитанниц было проведено полуструктурированное интервью общей продолжительностью около четырех часов, которое проходило в несколько этапов. Интервью включало вопросы о значимых, с точки зрения девочек, событиях семейной жизни, особенностях взаимоотношений девочек с родителями в различные ее периоды. Фиксировались сведения о времени возникновения и последующей динамике отклоняющегося поведения девочек, прослеживались нарастание признаков социальной дезадаптации, а также изменения в воспитательных стратегиях родителей.

С помощью полученных данных были проанализированы общая траектория развития девочек с отклоняющимся поведением и процесс возникновения и нарастания их социальной дезадаптации. Дезадаптация обнаруживалась при поступлении девочек в школу, усиливалась на протяжении школьного обучения и затем проявлялась в делинквентном поведении.

Важной характеристикой родительской семьи девочек-подростков с отклоняющимся поведением выступает ее оценка по параметру социального благополучия — диссоциальности. На основании результатов интервью родительские семьи девочек-подростков с отклоняющимся поведением были разделены нами на «условно социально благополучные» (13% всех семей), «дезадаптивные» (23%) и «диссоциальные» (64%). Для родительских семей первой группы характерно сочетание формального социального благополучия с использованием дисфункциональных

стратегий воспитания детей. Отличием «дезадаптивных» семей является слабая способность к преодолению социального стресса вследствие неблагоприятных жизненных обстоятельств (развод, потеря работы, смерть супруга). «Диссоциальные» семьи представляют крайнюю степень социальной дезадаптации семейной системы.

Самым неблагоприятным вариантом развития девочек-подростков с отклоняющимся поведением являются внесемейные формы воспитания (Дом ребенка, интернат, детский дом), а также частая смена условий воспитания ребенка, при которой он лишается возможности установить стабильные отношения привязанности со значимыми взрослыми.

Наиболее характерными семейно обусловленными факторами формирования отклоняющегося поведения у девочек являются хроническая конфликтная ситуация в семье, семейное насилие, развод родителей и семейный алкоголизм.

Приоритет в решении проблемы делинквентного поведения девочек-подростков должен принадлежать системе первичной профилактики, направленной на своевременную диагностику и помощь специалистов на каждом из этапов развития семейной системы.

В период пребывания девочек в закрытых учебно-воспитательных учреждениях важной составной частью психокоррекционных мероприятий является проработка проблем семейной сферы, в том числе подготовка девочек-подростков к будущей семейной жизни и рождению детей, в которую включено исследование и формирование системы представлений о будущей семье, выборе партнера и методах воспитания детей, а также о собственном месте девочек в семейной системе. Усилия специалистов в этом направлении позволят приблизиться к решению проблемы воспроизводства дисфункциональных и агрессивно-насильственных способов семейного взаимодействия в следующих поколениях.

**Проблемы формирования ответственного поведения
подростков с делинквентным поведением
в рамках восстановительного подхода**

А.В. Тихомирова
Москва

Из года в год в России наблюдается рост подростковой преступности. Способы реагирования на них государства носят карательный характер и малоэффективны. Практически не применяются такие статьи, как «Прекращение дела за применением принудительных мер воспитательного воздействия» (с. 431 УПК РФ, ст. 90—91 УК РФ). Происходит это

из-за того, что непонятно, какие принудительные меры назначать судом и кто будет контролировать выполнение этих мер. В статье 73 УПК РФ говорится, что при вынесении приговора судья должен полно изучить личность несовершеннолетнего правонарушителя, условия его жизни и воспитания, уровень его психического развития и иные особенности личности. Но судья не имеет ни физической возможности это сделать, ни достаточного для этого педагогического или психологического образования. Специализированной службы реабилитации и ресоциализации несовершеннолетних правонарушителей и жертв правонарушений в России нет.

В России ювенальная юстиция развивается, существует несколько разрабатываемых моделей работы с правонарушениями несовершеннолетних, в которых практикуется и анализируется восстановительный подход к правонарушениям как альтернативный существующему карательному подходу, не ведущему к решению проблемы криминализации подростков. Применение именно восстановительного подхода направлено на восстановление контакта подростка с социальным окружением и, как следствие, с самим собой. Восстановительная процедура (ВП) помогает выработать социально приемлемое отношение к проступку и адекватное отношение к криминальному поведению в целом.

В то же время применение ВП вызывает неоднозначную реакцию со стороны специалистов в области юриспруденции, психологов, специалистов по социальной работе. Вызывает сомнение возможность применения ВП в тех или иных случаях, непонятны механизмы действия процедур на личность подростка, спорным является позитивный эффект применения ВП. Для того чтобы более полно проанализировать возможности применения данных процедур, необходимо изучить психологические механизмы их воздействия на подростков, исследовать их возможности для социальной и психологической адаптации подростков с делинквентным поведением.

В конце 2004 года на базе Московского городского психолого-педагогического университета и Центра «Перекресток» создана экспериментальная площадка — отделение по работе с правонарушениями несовершеннолетних. Это позволило включить социально-психологическую работу с правонарушителем в общий контекст работы по системной социально-психологической адаптации подростков. В данном отделении сотрудники работают с подростками, которые совершили уголовные правонарушения и дела которых переданы в суд Черемушкинского района г. Москвы. Социальный работник подготавливает отчет судье о ситуации подростка, направляет подростка на прохождение ВП, ориентированных на принятие им активной ответственности за содеянное и устранение последствий. Также сотрудниками составляются и реализуются с помощью других ресурсов Центра «Перекресток» индивидуальные «программы восстановления и реабилитации».

Задачей Центра является определение эффективности восстановительного подхода к реагированию на ситуацию правонарушения, а также описание психологических механизмов, лежащих в основе ВП. Центральное исследуемое понятие — ответственность. Совершенно очевидна важность точного понимания этого термина в его психологическом и правовом смысле. Х. Зер¹ вводит термин «подлинная ответственность», под которым понимается осознанное и активное отношение и поведение, включающее практические шаги по компенсации и заглаживанию вреда от последствий поступка. В задачи исследовательской работы входит изучение возможностей формирования ответственного поведения подростка в процессе участия в ВП. Понятие зоны ближайшего развития необходимо для правильного отношения к формированию у подростка ответственности, так же как и любого другого умения². Выдвигается гипотеза, что в основе формирования ответственного поведения лежит освоение и интериоризация подростком категорий времени, причины и следствия. В процессе прохождения ВП подросток получает возможность смыслового соединения своих поступков с их последствиями, а также осознания степени своего участия в формировании будущего.

Сегодня восстановительные программы, разрабатываемые и реализуемые в Центре, направлены на создание пространства для развития ответственности подростка и используют принцип зоны ближайшего развития.

О различных процессуальных формах использования психологических знаний в ювенальной юстиции

С.С. Шипшин
Ростов-на-Дону

Как показывает практика, практически по каждому уголовному делу по факту преступлений, совершенных несовершеннолетними, назначается экспертиза (психиатрическая, психолого-психиатрическая, психологическая). Притом по меньшей мере едва ли не в половине случаев назначение экспертиз, главной задачей которых было выявление призна-

¹ Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание: Пер с англ. / Под общ. ред. Л.М. Карнозовой. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2002. С. 53.

² Выготский Л.С. Педагогическая психология. М., 1991. С. 399—400.

ков отставания в психическом развитии (в том числе не связанного с психическим расстройством), было нецелесообразным, поскольку не подтверждался факт подобного отставания. Если учитывать высокую экспертную нагрузку, наличие очередей на проведение экспертиз, а также тот факт, что ежегодно только в Ростовской области совершается примерно три тысячи преступлений несовершеннолетних, необоснованное назначение большого количества экспертиз, несомненно, приводит к увеличению сроков расследования уголовных дел.

Если обратиться к ч. 1 ст. 421 УПК РФ, то она предполагает, что наличие необходимой информации по всем трем пунктам является достаточным обстоятельством для признания несовершеннолетнего, являющегося субъектом виновной ответственности, способным нести уголовную ответственность. Например, следствием установлено, что несовершеннолетний, совершивший кражу в составе группы: а) достиг 14-летнего возраста (п. 1); б) проживает в полной семье, в которой родители работают, уделяют формально (по характеристикам из школы и с места жительства) достаточно внимания воспитанию и обучению подростка; сам он обучается в школе, без особого желания и старания, однако классы не дублирует; не выявляет явных признаков инфантильного поведения; на учете у психиатра не состоит; характеризуется как эгоистичный, вспыльчивый, общительный, несколько легкомысленный, подержанный влиянию более старших подростков с асоциальной направленностью личности (п. 2); в) в состав группы, совершившей правонарушение, входили подростки 16—17 лет, имевшие криминальный опыт, однако подросток, в отношении которого возбуждено уголовное дело, в исследуемый период был достаточно активен, действовал согласованно с другими участниками кражи, в ряде моментов проявлял собственную инициативу (п. 3). Очевидно, что описанная выше информация не требует, строго говоря, использования специальных психологических знаний и, соответственно, проведения судебно-психологической или комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы. Единственным поводом для назначения судебно-психологической экспертизы в таком случае может быть установление экспертным путем устойчивых и переменных ролей в преступной группировке, а также, возможно, выявление индивидуальных особенностей, которые могли повлиять на поведение подростка в конкретной ситуации. Однако решение указанных вопросов здесь является скорее «факультативным», нежели обязательным.

Конечно, следователю (судье), не являющемуся специалистом в области психологии, бывает сложно оценить информацию, относящуюся к психической деятельности подростка, особенно в тех случаях, когда не все так очевидно, как в приведенном выше примере.

Представляется, что следователями недооценивается институт привлечения специалистов-психологов для сбора и фиксации информации психологического характера. Например, в Ростовской области работа-

ет примерно 700 школьных психологов; действуют 30 психолого-меди-ко-педагогических комиссий. Использование психологических познаний специалиста (ст. 58 УПК РФ) позволит получить психологические характеристики из школ, установить потенциальную способность несовершеннолетнего к осознанно-волевой регуляции своего поведения (на момент обследования), зафиксировать признаки отставания в психическом развитии (ч. 1 ст. 421 УПК РФ). И только при наличии последнего возникает задача экспертной оценки способности несовершеннолетнего осознавать фактический характер своих действий или/и руководить ими в юридически значимой ситуации (ч. 2 ст. 421 УПК РФ). В настоящее время в Южном РЦСЭ разработана программа психологического обследования специалистом-психологом несовершеннолетнего правонарушителя для установления признаков отставания в психическом развитии.

Однако в ювенальной юстиции задачи специалиста-психолога не ограничиваются только установлением факта отставания подростка в психическом развитии. Значительную роль психолог может сыграть при разработке программ ресоциализации в отношении конкретного правонарушителя, проведении психокоррекционных мероприятий. Особое значение имеет участие психолога в процедурах примирения в процессе осуществления восстановительного правосудия.

**ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ
ПСИХОЛОГИЯ**

Посттравматический стресс и дезадаптация у осужденных

Л.А. Александрова
Москва

Вопрос о взаимосвязи криминального поведения и психических аномалий личности до сих пор не имеет однозначного ответа. Очевидно, что, чем сильнее выражены эти аномалии, тем сложнее личности соблюдать требования того общества, в котором она живет, тем выше психологическая «цена» законопослушного поведения такого человека. Между психическими отклонениями и противоправным поведением всегда есть медиатор — личность человека: именно она определяет, в какую сторону он повернет свою энергию. В. Франкл говорил, что личность всегда может занимать позицию в отношении обстоятельств своей жизни.

Результаты исследования взаимосвязи дезадаптации, личностных нарушений и посттравматического стресса у осужденных на базе колонии-поселения на первый взгляд подтверждают тезис о тесной взаимосвязи патологии и противоправного поведения. Из 42 человек, принимавших в нем участие, у 33% при использовании Шкалы оценки влияния посттравматического события диагностирован выраженный посттравматический стресс, у 34% имеются отдельные симптомы ПТСР, лишь у 33% они полностью отсутствуют, то есть налицо так называемое «нормальное распределение», если такие результаты, конечно, можно считать нормальными.

Возникает резонный вопрос об этиологии этих нарушений: являются ли они «преморбидом», способствовавшим совершению криминальных деяний, либо следствием самого совершенного преступления, либо результатом отбывания наказания в местах лишения свободы. Что было той аномальной ситуацией, которая спровоцировала у осужденных развитие посттравматического стресса? Из бесед с работниками колонии явствует, что лица, которые имеют выраженный посттравматический стресс, наиболее часто замечены в нарушениях режима колонии. Это влечет за собой применение к ним соответствующих дисциплинарных мер, что, в свою очередь, создает условия для поддержания статус-кво — посттравматического стресса путем вторичной травматизации.

В то же время средние показатели по шкалам у осужденных не имеют существенных различий с группами риска развития ПТСР, от пожарных; спасателей до военнослужащих, проходивших службу в «горячих точках», и ликвидаторов аварии на ЧАЭС.

ПТСР возникает в результате неэффективного психологического преодоления травматических событий личностью, дефиците навыков совладающего поведения и личностных ресурсов преодоления. Среди таких ресурсов выделяются ответственность за значимые события своей жиз-

ни, осмысленность жизни, устремленность в будущее, наличие конструктивных жизненных планов, развитых механизмов вероятностного прогнозирования, что позволяет человеку предвидеть следствия своих поступков. Результирующей продуктивной «работы» всех перечисленных ресурсов и механизмов психологического преодоления является эффективная социально-психологическая адаптация личности. Результирующей работы психологических защит является искажение картины мира и представлений о себе, нарушающее процесс адаптации индивида к социуму и помещающее его в группу риска развития дезадаптации и ПТСР. При этом нарушается доступ к собственным психологическим ресурсам личности, ответственным за поддержание приемлемого уровня ее социально-психологической адаптации и интеграции в социум.

Уровень социально-психологической адаптации личности осужденных оценивался с помощью методики ММИЛ. В результате было выявлено, что только 19% осужденных можно отнести к норме, в то время как 81% имеют выраженную напряженность адаптационных механизмов. Наиболее выраженными оказались черты импульсивности, ригидности, индивидуалистичности и гипоманиакальности. Здесь также возникает вопрос о причинно-следственной связи: дезадаптация, диагностированная у осужденных, — это причина, почва для преступного деяния или следствие отбывания наказания? Либо это следствие совершения преступного деяния, в полном соответствии с Ф.М. Достоевским?

Далее, используя стандартные методы корреляционного анализа, мы выявили тесную взаимосвязь между степенью дезадаптации личности осужденных и выраженностью у них симптоматики ПТСР. Наиболее весомый «вклад» в развитие ПТСР вносят такие характерологические черты, как невротический сверхконтроль, ригидность, тревожность, индивидуалистичность и гипоманиакальность. Все они имеют значимые корреляционные связи с показателями, отражающими симптоматику ПТСР. Необходимо также отметить, что данные пикеты характерологического профиля являются типичными для осужденных, и именно они оказались довольно надежными предикторами ПТСР.

Выводы, которые следуют из данной работы, касаются, прежде всего, путей повышения эффективности пенитенциарной системы, а не констатации взаимосвязи между преступлением и патологией. Если ставить задачу не временной изоляции осужденных от общества, а истинной коррекции, то начинать ее необходимо с личности. Прежде всего, на наш взгляд, необходимо работать с психическими отклонениями, имеющимися у осужденных, такими, как нарушения социально-психологической адаптации и посттравматические стрессовые расстройства, опираясь на активизацию личностных ресурсов и механизмов адаптации, а также развитие навыков психологического преодоления.

Особенности синдрома эмоционального выгорания
у сотрудников уголовно-исправительных учреждений
в сравнении с некоторыми представителями
профессий типа «человек — человек»

А.М. Лужецкая
Ангарск

Синдром эмоционального выгорания (СЭВ) — выработанный личностью механизм психологической защиты в форме полного или частично-го исключения эмоций в ответ на избранные психотравмирующие воздействия [1,2].

Целью нашего исследования было изучение особенностей структуры СЭВ у работников системы УИС в сравнении с другими представителями соционических профессий. В выборку исследования вошли медицинские работники (30 человек), служащие исправительных колоний (27 человек), служащие страховой компании (27 человек) и учителя (32 человека).

Наиболее благоприятные результаты в целом по выраженности СЭВ были выявлены у медицинских работников: синдромы напряжения и резистенции не сформированы. Синдром истощения (симптомы деперсонализации, эмоционального дефицита и отстраненности) сформирован лишь у 16, 6% испытуемых. Что касается деперсонализации, то некоторые авторы [3], [4] рассматривают ее не только как негативное проявление, но и как форму профессиональной защитной стратегии общения — избирательность выделения значимых компонентов взаимодействия. Н.А. Вигдорчик [3] относил феномен деперсонализации к формам волевой компенсации нарушенных функций эмоционально-волевой регуляции поведения.

В группе учителей также не сформированы фазы напряжения и резистенции при весомой доле сформированности фазы истощения (44,4% респондентов).

В группе работников ИУ картина в целом менее благополучная, чем у врачей и медиков, но фаза истощения сформирована в меньшей степени (у 11,2% респондентов), фаза напряжения не сформирована, но у большего количества сформирована фаза резистенции (ведущий симптом «редукции профессиональных достижений») — 45,5%.

Наиболее неблагоприятная картина полученных данных наблюдается у работников страховой сферы.

Найденные статистически достоверные различия подчеркивают разный вес симптомов в структуре целого СЭВ у различных профессиональных групп.

Важно отметить, что именно профессии врача и учителя имеют больше внешних предпосылок для проявления СЭВ. По сравнению с работниками ИУ и «страховщиками» эти предпосылки заложены в самой специфич-

ке профессии и ее требованиях к личности, а значит, у этих групп можно было ожидать большей выраженности синдрома, однако полученные нами данные этому абсолютно противоречат.

Отсутствие статистически значимых различий в показателях работников ИУ и сферы страхования при наличии различий этих групп с медиками и учителями свидетельствует об их качественно иной структуре СЭВ. У большой доли работников ИУ сформирована фаза резистенции при несформированности напряжения и деперсонализации, что свидетельствует о явной защитной функции симптомов СЭВ по типу редукции профессиональных достижений и расширения сферы экономики эмоций. Это можно объяснить особенностями профессиональной деятельности в условиях ИУ: большинство требований и норм труда формализованы, специфической эмоциональной отдачей контингент не требует, напряженность возникает только в сфере межличностных отношений иерархического порядка. Формализм отношений и стандартизация норм создают благоприятный фон для формирования соответствующих симптомов.

Что касается работников сферы страхования, то именно их результаты демонстрируют полную сформированность СЭВ. В сравнении со всеми профессиональными группами нашей выборки специфика их труда и задач в наименьшей степени связана с факторами риска для СЭВ. Полагаем, что специфика профессиональной подготовки и сам выбор места работы предполагают наличие субъективных факторов, стимулирующих формирование СЭВ: склонность к эмоциональной ригидности, слабая мотивация эмоциональной отдаче.

Таким образом, представленные результаты подтверждают гипотезу о различиях проявления СЭВ у представителей разных профессий системы «человек — человек», а также позволяют сделать предположение о преобладающем значении субъективных факторов в формировании синдрома эмоционального выгорания.

Особенности психофизиологического состояния ВИЧ-инфицированных осужденных

О.Е. Санникова, П.И. Сидоров, А.Г. Соловьев
Архангельск

Эпидемия ВИЧ-инфекции стала серьезной проблемой XXI века, расцениваемой в качестве надвигающейся национальной угрозы (Покровский В.В., 2000). Особую группу в местах лишения свободы составляют ВИЧ-инфицированные.

Целью исследования стало изучение психофизиологических особенностей ВИЧ-инфицированных осужденных.

Обследованы 106 мужчин, находящихся в учреждении строгого режима г. Архангельска. I группа: 41 больной ВИЧ-инфекцией в возрасте 19--42 лет (сплошное обследование), имеющий различную стадию и длительность заболевания; II группа: 65 здоровых мужчин в возрасте от 22 до 43 лет, имеющие сходные уголовные статьи наказания.

Исследование функционального состояния коры головного мозга проводилось методом электроэнцефалографии (ЭЭГ) на компьютерном энцефалографе «Нейрон-Спектр 3,2». Методика «Кольца Ландольта» (2001) применялась для изучения работоспособности и внимания. Интеллектуальная лабильность и динамика нервно-психических процессов изучалась с помощью теста В.Т. Козловой (2003). Тест миокинетической психодиагностики (МКП), разработанный Е. Мирра-и-Лопес (2002), применялся для оценки психодинамических и характерологических особенностей, уравновешенности, прогнозирования поведения в условиях стресса. Методика «Индекс жизненного стиля» (LSI — Life style index Plutchik R., Kellerman G., 1979) использовалась для диагностики механизмов психологической защиты.

По данным ЭЭГ-исследования, у больных с ВИЧ-инфекцией в 92,8% случаев выявлены признаки, свидетельствующие о функциональной неустойчивости и слабости нейронов коры головного мозга в сочетании с повышением активности медиобазальных структур и снижением активизирующей системы мозга, наличием сосудистого компонента реагирования и фиксацией состояния напряжения. Снижение коркового контроля является физиологической основой для импульсивных, взрывчатых реакций. Все вышеперечисленное, учитывая жалобы больных на чувство психического напряжения, тревогу, нервозность, раздражительность, трудности засыпания, может расцениваться как невротоподобная симптоматика начальной стадии психоорганического синдрома.

По показателям теста «Кольца Ландольта» в 68,7% случаев у ВИЧ-инфицированных осужденных выявлены колебания работоспособности, существенно превышающие таковые у здоровых, что свидетельствует о ее быстрой истощаемости, астении.

Выявлены низкие показатели у ВИЧ-инфицированных по тесту В.Т. Козловой на интеллектуальную лабильность, а также снижение динамики нервно-психических процессов почти в 2 раза по сравнению со здоровыми осужденными.

Обнаружены феномены проксической реверсии у ВИЧ-инфицированных по тесту МКП, свидетельствующие о патологии психомоторной сферы и отсутствующие у здоровых осужденных; у 50% испытуемых были выражены агрессивные тенденции.

Исследование механизмов психологической защиты показало, что ВИЧ-инфицированные осужденные чаще всего используют такие вариан-

ты, как замещение — 82,7%, подавление — 81,4%, проекция — 79,8%, отрицание — 74,6%, менее всего — 56,5% — интеллектуализацию. Эти результаты на значимом уровне отличаются от видов защиты, используемых здоровыми осужденными. Таким образом, ВИЧ-инфицированными осужденными используются незрелые механизмы психологической защиты, при которых могут совершаться неожиданные и бессмысленные действия.

Полученные данные свидетельствуют о наличии у ВИЧ-инфицированных осужденных состояния повышенного стресса и социально-психологической дезадаптации, что в сочетании с признаками поражения центральной нервной системы и патологией психомоторной сферы может приводить к появлению агрессивного поведения, являться причиной суицида и возникновения такого социально опасного явления, как «ВИЧ-терроризм». Необходима разработка реабилитационной программы, направленной на повышение сопротивляемости к стрессу, снижение уровня тревоги, социально-психологической адаптации ВИЧ-инфицированных лиц, находящихся в условиях лишения свободы.

Совладающее со стрессом поведение больных, зависимых от героина, находящихся на лечении в пенитенциарных учреждениях

Н.А. Сирота, В.М. Ялтонский, Д.В. Лопатин
Москва

Пропорция осужденных больных, зависимых от наркотиков, за последнее десятилетие имела в пенитенциарной системе тенденцию к значительному росту. Низкую эффективность проводимого лечения данного контингента трудно повысить без участия пенитенциарных клинических психологов, без знания основных психологических механизмов и специфики совладающего со стрессом поведения социально дезадаптированных лиц, без учета социальной ситуации развития, в которой они находятся, и без понимания того, какие личностные и средовые факторы в течение продолжительных сроков лишения свободы способствуют или препятствуют адаптации зависимых от наркотиков осужденных к сложным условиям исправительного учреждения.

Обследовано 180 молодых взрослых мужчин, разделенных на две подгруппы. Контрольную подгруппу составили 100 условно здоровых мужчин, имеющих средний возраст $24,3 \pm 1,2$ года. Вторую подгруппу составили 80 молодых мужчин, зависимых от героина, со второй сформированной стадией заболевания, имеющих средний возраст $25,1 \pm 0,9$ года, находившихся на лечении в исправительной колонии ГУИН России.

Результаты исследования свидетельствуют о следующем:

1. Дистресс запускает совладающее с болезнью поведение (coping behavior) больных наркоманией путем активации суженного и извращенного репертуара изменивших свою направленность базисных копинг-стратегий, ограниченных личностных и средовых копинг-ресурсов, слабый антистрессовый эффект которых больные вынужденно компенсируют доминирующим использованием копинг-стратегии избегания — употреблением психоактивных веществ и включением механизмов психологической защиты.

2. Под влиянием хронической наркотизации происходят негативные качественные изменения и резкое уменьшение размеров социальных сетей, их распад и рост нарушенных интерперсональных отношений, смена ориентации поиска социальной поддержки с сетей просоциальных на асоциальные. Патологическая потребность в наркотике определяет дифференцированную активность и одностороннюю направленность копинг-стратегии разрешения проблем у больных, зависимых от героина. Данная стратегия отличается связью с приоритетной проблемой наркотизации, высокой активностью в разрешении последней и пассивностью в разрешении иных проблем, тенденцией к поспешному разрешению любыми возможными способами актуальной проблемы.

3. С позиций психологии совладающего со стрессом поведения зависимость от наркотиков может рассматриваться как малоадаптивное, паллиативное копинг-поведение, обусловленное недостаточностью функционирования копинг-стратегий, личностно-средовых копинг-ресурсов и характеризующееся доминирующим использованием копинг-стратегии избегания жизненных проблем и ухода от реальности, извращенным проблемно-разрешающим поведением, сфокусированным на поиске наркотика, распадом сетей социальной поддержки, подавлением стратегии ее поиска и низким восприятием поддержки, уменьшением личностного контроля над средой и дефицитарностью эмпатии и аффилиации. Его характерной чертой является то, что оно меняет способ интерпретации, но не меняет саму стрессовую ситуацию и отношения индивида со средой.

Критерии эффективности психокоррекционной работы с осужденными

С.Д. Хачатурян
Владимир

Общая задача, решаемая уголовно-исполнительной системой, в настоящий момент обозначается как исправление осужденных. При этом задача заключается в том, чтобы произвести изменения личности. Практика изучения тренинговых программ, используемых психологами пенитенци-

арных учреждений России (в распоряжении автора около 50 вариантов тренингов, проводимых психологами различных учреждений УИС), убеждает нас в том, что планируемое в тренинге воздействие часто не затрагивает личность осужденного в целом.

С нашей точки зрения, наиболее удобной для понимания психологических процессов тренинга может быть модель «логических уровней», предложенная Робертом Дилтсом¹ с некоторыми нашими добавлениями. А критериями эффективности тренинговой психокоррекционной работы с осужденными при данном подходе будут ответы на следующие вопросы:

1. Предполагает ли программа тренинга проработку всех уровней личности?

Проблемой многих тренинговых программ является их ориентация лишь на один логический уровень (уровень способностей, уровень поведения).

2. Является ли простроенным уровень «миссии» или «миссий»?

Насколько хорошо осужденный представляет краткосрочные и долгосрочные последствия тех или иных своих действий? Является ли этот образ себя в будущем позитивным, социально одобряемым?

3. Осознана ли настоящая Я-идентификация, происходит ли трансформация образа «Я» в ходе тренинга в более адаптивную в социуме сторону?

Необходимым является принятие осужденными для себя идентификации «преступника» в начале тренинга. Второй вопрос: простроена ли новая Я-идентификация «законопослушного гражданина»?

4. Осуществлялась ли работа с убеждениями и ценностями с целью трансформации их в более адаптивную для новой роли сторону?

Проработано ли принятие ответственности на себя, принимает ли осужденный ценности взаимоотношений, социальных норм и правил? Для многих осужденных ценными являются особые правила поведения осужденных, декларируемые «воровскими законами». Отказ от ценности этих законов является показателем высокой эффективности работы с осужденными.

5. Осуществляется ли развитие способностей?

Традиционно указание на отсутствие способности к эмпатии у насильственных преступников. У многих осужденных недостаточно способностей в области коммуникативной деятельности: внимательно слушать, понимать, формулировать вопросы и ответы, адекватно реагировать на ситуацию, выходить из конфликтных ситуаций и т.п. Часто отсутствуют способности к контролю и коррекции своего эмоционального состояния.

6. Формируется ли новое поведение?

На этом уровне оценки эффективности тренинга важно зафиксировать новое поведение участников в коммуникативной сфере, новые способы реагирования в ситуации, новое поведение в среде осужденных, по отношению к сотрудникам. Речь в первую очередь идет о сотрудничестве осуж-

¹ Дилтс Р. НЛП: навыки эффективного лидерства. СПб.: Питер, 2002. С. 30–32.

денных с администрацией учреждения, активной их трудовой деятельностью, осознанной подготовке к освобождению.

7. Изменяется ли внутренний план действий — контроль эмоций, мыслей и поведения?

Этот уровень прорабатывается как уровень внутренних факторов риска (фантазирование, «накручивание» себя; эмоции, вызывающие старое поведение). Осознание своих факторов риска и построение «помогающих стратегий» — внутренних стратегий, помогающих избежать, преодолеть ситуацию риска рецидивного поведения, — являются значимой стороной, оцениваемой при определении эффективности тренинговой программы.

8. Изменяется ли окружение? Происходит ли отказ от старого окружения, связанного с неэффективным или криминальным поведением?

Когда речь идет об осужденном, изменения должны происходить уже в условиях отбывания наказания и проявляться в окружении себя осужденными законопослушной ориентации, в отказе от активного общения с лицами криминальной направленности.

9. Указывает ли характер отношений между психологом и участниками группы косвенным образом на эффективность работы?

Важно, чтобы во время тренинга существовала атмосфера теплоты, эмпатии, эмоционального «созвучия», принятия и доверительности. Отношения во время тренинга между участниками, между участниками и психологом являются моделью для построения отношений за пределами тренинга. Отношения в группе дают осужденному мужество меняться.

Всем предложенным выше требованиям соответствуют когнитивно-поведенческие программы психокоррекционной работы с осужденными¹.

ВИЧ-инфекция, туберкулез, гепатит С и злоупотребления наркотиками — актуальная проблема пенитенциарной клинической психологии

*В.М. Ялтонский, Н.А. Сирота, С.А. Авдеев,
Е.Г. Белова, Ю.М. Медведева, Д.В. Лопатин*
Москва

Осужденные лица, как одна из специализированных групп населения, подвергается наиболее патогенному воздействию стремительно распространяющихся в мире и угрожающих жизни человека эпидемий (ВИЧ-ин-

¹ Морозов В.М., Ковалева О.Г., Дебольский М.Г., Морозов А.М., Хачатурян С.Д. Психологическая служба в пенитенциарных учреждениях ФРГ: Учеб.-метод. пособие. ВЮИ Минюста России. Владимир, 2001. С. 67—117.

фекция, туберкулез и злоупотребление инъекционными наркотиками). Решение этой крайне сложной проблемы требует использования биопсихосоциальной модели в рамках холистического подхода. Участие в ее разрешении психологов и врачей пенитенциарной системы требует осознания некоторых из многочисленных проблем.

1. Проблема сочетанности, коморбидности психической, психосоматической и инфекционной патологии в рамках нескольких нозологических единиц, взаимно влияющих друг на друга, в условиях лечения в пенитенциарной системе.

2. Воздействие мощных хронических дистрессоров в условиях двойного психологического давления, как со стороны администрации учреждений, так и со стороны заключенных, способствует быстрому формированию у осужденных очень сложных, нетипичных по своей структуре и резистентных к терапии психических и психосоматических расстройств, в симптомогенезе которых роль психологической составляющей оказывается крайне высокой.

3. Успешная психологическая адаптация в местах лишения свободы требует овладения осужденными эффективными навыками совладания как с болезнью, так и с условиями окружающей их среды.

Подавляющее большинство больных осужденных, сталкиваясь с имеющейся у них тяжелой сочетанной патологией и резко нарушенными межличностными отношениями, не располагают достаточными ресурсами для их преодоления и выбирают ориентированный на эмоции стиль совладания со своими заболеваниями и трудной жизненной ситуацией. Это способствует формированию пассивной личностной позиции по отношению к болезни и среде, а также сложной, трудно поддающейся психологической коррекции внутренней картины болезни.

4. Работа клинических психологов и медперсонала с осужденными, больными с ВИЧ-инфекцией, туберкулезом, гомосексуализмом и зависимостью от психоактивных веществ, наверняка окажется недостаточно эффективной, если акцент в работе не будет смещен на укрепление мотивации к лечению как варианта мотивации на изменение поведения, с использованием техник мотивационного интервьюирования и мотивационной психотерапии. Клинический психолог может помочь больному самостоятельно выбрать направление саморазвития, использовать собственную активность для замены внешней мотивации его поведения средой (регуляция с помощью угрозы наказания и обещанных наград), мотивацией внутренней, когда поведение субъекта регулируется частично усвоенными им правилами и требованиями, которые побуждают его действовать так, а не иначе. Низкая приверженность лечению оказывает неблагоприятное воздействие на течение и прогноз вышеназванных заболеваний.

5. Сексуальная жизнь осужденных в местах лишения свободы в условиях разнополого содержания. Разрушение традиционных социальных норм

и ценностей, регламентирующих сексуальную активность, с одной стороны, и многолетнее пребывание в территориально замкнутом пространстве исправительного учреждения значительного числа мужчин, зависимых от наркотиков (а), находящихся в активной фазе туберкулеза легких (б), занимающихся сексом друг с другом (в соответствии с существующими в этой среде гендерными и субкультуральными, внутригрупповыми нормами поведения) (в), с установленным или пока не установленным диагнозом «ВИЧ-инфекция» (г), имеющих комбинированные, резистентные к терапии заболевания, передающиеся половым путем, с другой стороны, делает трудноразрешимой проблему профилактики, лечения и реабилитации данного контингента больных не только в период пребывания их в местах лишения свободы, но и после освобождения.

6. Проблема стигматизации и дискриминации осужденных, больных туберкулезом, ВИЧ-инфекцией, зависимостью от наркотиков, гепатитом С, как со стороны персонала исправительных учреждений, так и со стороны спецконтингента, не имеющего подобных заболеваний.

7. Проблема стигматизации, дискриминации и безопасного секса осужденных, имеющих заразные инфекционные заболевания. Вопросы о раскрытии или сокрытии больными диагноза социально осуждаемого заболевания, об управлении процессом дестигматизации, обесценивания и неодинакового отношения к больным являются вопросами, без изучения которых данную проблему не решить. Проблема не ограничивается рамками пребывания в исправительном учреждении и особенно остро встает после выхода из него, когда требуется решать проблему раскрытия диагноза перед сексуальным партнером, перед членами своей семьи и перед социальными работниками.

8. Решение перечисленных проблем требует обучения в рамках циклов последипломного образования клинических психологов, психиатров-наркологов, инфекционистов, фтизиатров основам психологии зависимости и психологии работы с инфекционными больными, формированию навыков совладания с болезнью, дестигматизации и мотивации больных на лечение, укреплению приверженности больных предписанному врачами режиму лечения.

**ПОДГОТОВКА
КАДРОВ**

Описание курса «Методы специальных психофизиологических исследований в судебно-психологической экспертизе» для студентов-психологов, обучающихся по специализации 02.04.07 «Юридическая психология»

Т.А. Арсланов
Калуга

Курс по выбору «Методы специальных психофизиологических исследований в судебно-психологической экспертизе» разработан для студентов факультетов психологии по специализации «Юридическая психология».

Основной целью курса является формирование у будущих юридических психологов основных представлений о разнообразии методов специальных психофизиологических исследований (СПФИ), необходимых как для юридического психолога, производящего судебно-психологическую экспертизу (СПЭ), так и для сотрудников правоохранительных организаций; углубленных знаний в области инструментальной диагностики психоэмоциональных состояний и психофизиологии; навыков и умений использования технических средств в работе эксперта-психолога вообще и при производстве СПЭ в частности.

Значительное место при освоении курса уделяется работе с программами-симуляторами, демоверсиями компьютерных программ, используемых при работе с техническими средствами (регистратор кожно-гальванической реакции, электрокардиограф, спирограф, плетизмограф, полиграф и т.д.).

В разделе «Естественнонаучные основы психофизиологических исследований» студентами изучаются такие необходимые для специализации вопросы курса, как:

- схема тела, и система внутреннего представления;
- проблема описания сознания и бессознательного на уровне изменения психофизиологических характеристик;
- индикаторы осознаваемого и неосознаваемого восприятия;
- возникновение ассоциаций на неосознаваемом уровне и проявление временных связей между их паттернами при воспроизведении информации.

Раздел «Диагностические и коррекционные методы психофизиологических исследований» посвящен возможности адаптации психодиагностических методик в специальных психофизиологических исследованиях, проводимых в рамках анализа преступного поведения, изучения вопросов причастности лиц к криминальным эпизодам, разработки методов, позволяющих достоверно диагностировать состояние эмоционального возбуждения и аффекта в прекриминальный и посткриминальный периоды:

- адаптация психодиагностических методик в СПЭ;
- использование методов СПФИ в криминалистике;
- психофизиологические способы коррекции психических состояний;

- обеспечение психологической эффективности управления правоохранительными органами (ПОО) и работы с их персоналом через использование методов СПФИ;

- разработка проблем эффективной постэкстремальной работы с сотрудниками ПОО» (В.М. Поздняков, 2003).

Представленные темы не только позволяют студентам ориентироваться в разнообразии сфер применения методов СПФИ, но и способствуют интеграции знаний, умений и навыков в самостоятельной разработке и использовании некоторых психофизиологических методов и диагностической и коррекционной деятельности.

Курс реализуется через традиционные формы обучения: лекции, семинары, практические занятия, самостоятельное изучение и аннотирование рекомендуемой основной и дополнительной литературы.

Первый раздел лекционного курса способствует актуализации знаний, умений и навыков, имеющихся у студентов по циклу математических, естественнонаучных, общепрофессиональных и специальных дисциплин. Рассматриваются некоторые вопросы физиологии ЦНС, психофизиологии, криминалистики и судебно-психологической экспертизы.

Второй раздел посвящен рассмотрению собственно методов психофизиологических исследований, возможных в судебно-психологических исследованиях и экспертной работе, а также работе психолога, деятельность которого связана с коррекцией нарушений психофизиологических характеристик, развивающихся у работников ПОО (В.Ф. Енгальчев, Т.А. Арсланов).

Подготовка специалистов по юридической психологии: проблемы детей и подростков

Е.Г. Дозорцева
Москва

Преподавание юридической психологии в нашей стране насчитывает несколько десятилетий, однако традиционно эта дисциплина предназначалась для специалистов юридического профиля. В настоящее время растет число вузов, в которых специализацию «Юридическая психология» получают психологи. В связи с этим актуальной является проблема содержания образования, учебных планов и программ. Всеобщий переход российского высшего образования на систему двухступенчатой профессиональной подготовки ставит все новые вопросы об объеме, структуре и качестве знаний выпускников в соответствии с потребностями практики.

Специалисты с базовым психологическим образованием готовятся для работы в системе органов юстиции, МВД, прокуратуры, учреждениях исполнения наказаний. Психологическое обеспечение оперативной

деятельности, переговорного процесса, отбора, подготовки и реабилитации личного состава — важные насущные задачи, которые должны решать выпускники психологических факультетов. Модернизация пенитенциарной системы предъявляет новые требования к психологической работе с осужденными. Расширяется сфера деятельности судебных психологов, занимающихся проблемами судебной экспертизы. Помимо традиционных видов экспертных исследований в рамках уголовного процесса все большее значение приобретают новые, преимущественно базирующиеся на гражданском законодательстве.

Между тем планирование образования должно отражать не только содержание актуальной практической деятельности специалистов, но и перспективные направления, в которых через несколько лет смогут работать сегодняшние первокурсники. К таким новым областям, с нашей точки зрения, следует отнести и ту часть юридической психологии, которая занимается проблемами детей и подростков, которую можно обозначить как ювенальную юридическую психологию. Предложенный нами термин непосредственно ассоциируется с понятием ювенальной юстиции. Действительно, внедрение в будущем в практику этого юридического института, который в настоящее время действует лишь в экспериментальном варианте (но весьма успешно!) в некоторых регионах России, потребует участия специалистов, ориентирующихся не только в юридических вопросах, но и в психологии детей и подростков. Профилактическая направленность ювенальной юстиции, ориентация не столько на наказание, сколько на помощь подростку, предполагают индивидуальный подход к подростку и его семье, особый тип диагностики и мониторинга его психического и социального развития. При этом существенно преобразуется смысл судебно-психологической экспертизы несовершеннолетнего обвиняемого, расширяется спектр ее применения. В то же время не перестанут быть значимыми и актуальными в настоящее время проблемы комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы несовершеннолетних. Все большее распространение получают экспертизы, касающиеся интересов детей, в рамках семейного законодательства и гражданского процесса. Знания юридических психологов будут необходимы при решении семейных проблем у детей, находящихся в сложной жизненной ситуации, в том числе направляемых в приюты, детские дома, патронатные семьи. Часто это дети — жертвы жестокого обращения. Как они, так и несовершеннолетние, потерпевшие от преступлений в широком плане, нуждаются одновременно в юридической и психологической помощи. Особую категорию составляют дети и подростки с девиантным и делинквентным поведением. Психологическая работа с ними в профилактических центрах, специальных школах открытого или закрытого типа, воспитательных колониях или — при наличии у них психических расстройств — в психиатрических клиниках требует целенаправленной подготовки профессионалов. Специалисты в области ювенальной юри-

дической психологии могут быть востребованы для решения многих других проблем детей и подростков в юридически значимых ситуациях.

Возникает вопрос: какой должна быть профессиональная подготовка юридических психологов, способных решать такого рода проблемы? Как она соотносится с подготовкой специалистов в других областях юридической психологии? Нам представляется, что в нее входят общее базовое психологическое образование, дисциплины, составляющие обязательную основу собственно юридической психологии (в том числе криминальная, судебная, пенитенциарная психология, психология юридических профессий и др.), юридические дисциплины (правоведение, криминология, виктимология и др.), а также ряд специальных циклов, обеспечивающих углубленную подготовку в области возрастной, педагогической, клинической психологии детей и подростков, экспертизы несовершеннолетних, методов психотерапии и психокоррекции. Теоретический курс должен быть дополнен системой практики, ориентированной на проблемы несовершеннолетних. По этому принципу строится учебный план организованного в 2004 г. факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета. Получаемая выпускниками подготовка позволит им работать в качестве юридических психологов широкого профиля, но наиболее эффективно в сфере ювенальной юридической психологии.

Компетентностный подход к обучению специалистов в юридической психологии

В. Ф. Енгальчев
Калуга

Современная юридическая психология как отрасль психологии, связанная с психологическим обеспечением правоохранительной деятельности, имеет значительный научный потенциал и является сферой повседневной деятельности тысяч специалистов. В то же время ее развитие сдерживается не до конца отрефлексированным отношением юридической психологии к самой себе как к особому виду профессиональной деятельности, требующей особой профессиональной подготовки. Актуальная проблема состоит в том, что тенденции профессионализации специалистов в юридической психологии диктуют необходимость ее перехода от психологической специализации в психологическую специальность, по аналогии с клинической психологией, уже совершившей такой переход. Принципиально важно, чтобы этот процесс стал осознанным, проектируемым и управляемым.

Операциональная модель юридической психологии как профессии состоит из трех подсистем: профессиональной деятельности, личности

специалиста и профессиональной подготовки специалиста — и совокупно описывает все ее предметно-деятельностное поле. В каждой из этих подсистем представлены элементы, связи и отношения двух других, т.е. они *взаимобусловлены*, будучи составляющими одной системы. В силу этого изменения в любой из указанных подсистем приведут к изменению всей системы. Основной подсистемой, являющейся как фундаментом двух других, так и всей системы в целом, является подсистема профессиональной подготовки. В то же время существующая модель такой подготовки во многом не отвечает реалиям современного этапа развития общества. В еще большей степени она не отвечает задачам завтрашнего дня. От психологов этой сферы закономерно ожидают профессиональной компетентности, адекватной уровню сложности подлежащих решению задач.

Вузовская подготовка является основополагающим фактором формирования профкомпетентности специалиста. Вместе с тем классическое университетское обучение, готовящее психологов-исследователей, не обеспечивает их многими необходимыми знаниями и умениями, соответствующей мотивацией, профессионально важными качествами, востребованными в практической работе. А ведущееся с этой целью обучение практических психологов не может заменить собой фундаментальное образование, что особенно проявляется в долговременной перспективе. Таким образом, отсутствует система обучения специалистов-психологов для правоохранительной сферы, где основательность научно-исследовательского образования сочетается с ориентацией на конкретные запросы практики.

Вторая проблема заключается в том, что психолого-педагогическое обеспечение учебного процесса в отечественных вузах, занимающихся подготовкой таких психологов, не соответствует процессу вхождения в единое европейское образовательное пространство. В частности, образовательные программы в юридической психологии существенно отличаются от аналогичных ведущих зарубежных программ, что проявляется в несогласованности понятийно-терминологического словаря науки и реестра ее учебных и практических дисциплин; в отсутствии многих важных тем и предметов в учебных планах, различиях в психодиагностическом инструментарии и т.д. Есть необходимость разработки такой модели обучения, в которой положительные традиции отечественного образования были бы согласованы с международным опытом и тенденциями в юридической психологии.

Третья проблема обнаруживает себя в том, что при растущем количестве вузов, где ведется подготовка профильных специалистов по юридической психологии, до сих пор нет концепции такой подготовки, опирающейся на психологически обоснованную модель ее цели и результата. Следствием этого является то, что перечень и содержание дисциплин специализации формируются, исходя из субъективных представлений в их необходимости, а структура учебного плана конструируется без должного внимания к содержательно-логической преемственности дисциплин. Здесь фиксируется потребность в разработке основ паспорта специализации образовательной об-

ласти «юридическая психология», приведения во взаимное соответствие структуры, содержания и методов ее преподавания.

Четвертая проблема заключается в сложившемся понимании юридической психологии как междисциплинарной сферы, где психология является только ведомой по отношению к юриспруденции. В образовании это проявляется в том, что многие программы учебного предмета «юридическая психология» до сих пор представляют собой не дисциплину психологического цикла, а фактически психологизированную юриспруденцию с характерными для нее идеологией, системой понятий и методологией. Указанная ситуация вступает в противоречие с деонтологией профессионального сообщества психологов, поддерживающего свои профессиональные обязанности и права. Отсюда, цели и содержание обучения юридических психологов должны быть определены таким образом, чтобы они занимали профессионально независимые роли и позиции. Описанные проблемы усиливаются в условиях перестройки системы правоохранительных органов, когда на первый план может выйти необходимость подготовки специалистов-психологов не для конкретного ведомства, но для самой правоохранительной деятельности в целом. Поэтому их подготовка в вузе должна обладать известным «запасом прочности», в том числе эмерджентными характеристиками, чтобы обеспечивать эффективную работу юридического психолога по всему спектру задач психологического обеспечения правоохранительной деятельности.

Потребности практики, с одной стороны, и необходимость теоретического осмысления имеющихся опыта и тенденций, с другой, обуславливают актуальность разработки темы компетентностного подхода к обучению специалистов в юридической психологии — юридических психологов.

Личностная составляющая психологической готовности сотрудников милиции к применению огнестрельного оружия

И.Н. Коноплева
Ростов-на-Дону

В настоящее время умение грамотно применить и использовать табельное огнестрельное оружие является фактором соблюдения личной безопасности сотрудника милиции. Поэтому практически востребованным становится обеспечение готовности сотрудников милиции к применению и использованию огнестрельного оружия при выполнении служебных обязанностей. Существуют разные подходы к определению понятия «психологическая готовность» и его содержательной интерпретации. Так, например, В.Б. Листков, А.Н. Хоменко (2003), В.Н. Смирнов (2002) рассматривают психологическую готовность как наличие определенных знаний, навыков и умений. В.А. Абрамцев, В.А. Носков (1996), О.В. Бычков (1998) и другие ана-

лизируют психологическую готовность в аспекте личностных особенностей человека, способствующих определенной деятельности. Многие авторы рассматривают психологическую готовность как психическое состояние. Так, А.В. Петровский и М.Г. Ярошевский (1998) дают определение психологической готовности как психического состояния, предстартовой активизации человека. Подобного мнения придерживается и О.А. Белобрыкина (2003), под психологической готовностью понимающая особое психическое состояние субъекта, для которого характерны установка на деятельность и операциональные умения, необходимые для достижения результатов в определенной деятельности. Помимо этого психологическую готовность к действию можно рассматривать как установку, направленную на выполнение того или иного действия. Таким образом, например, определяет психологическую готовность к деятельности Д.Н. Узнадзе (1966), который рассматривает ее как состояние психики, предшествующее появлению отдельных фактов сознания. Установка формируется в психике субъекта как результат предыдущего опыта и проявляется в виде изначальной реакции на ситуацию, в которой ему приходится ставить и решать задачи. Установка направляет всю деятельность человека, мобилизуя необходимые для этого психические силы.

Рассмотренные выше точки зрения различных авторов не имеют исчерпывающего характера. Между тем знакомство с ними позволяет сделать вывод о многогранности рассматриваемого явления — психологической готовности. Подобная многогранность определяет возможность изучения психологической готовности в различных ее проявлениях, в том или ином аспекте.

Однако наиболее адекватным сущности психологической готовности нам представляется комплексный (многоаспектный) подход к ее изучению. В этом отношении интересными являются исследования В.М. Позднякова (1989), Л.А. Моисеенко (1993), Ф. Генова (1971) и др. В частности, В.М. Поздняков рассматривает психологическую готовность как интегральное проявление личности, многоплановую систему качеств, свойств и состояний. Л.А. Моисеенко анализирует два основных аспекта в трактовке сущности психологической готовности: функциональный и личностный. Как многоаспектную проблему рассматривает готовность и Ф. Генов, выделяя четыре вида готовности: физиологическую, психологическую, техническую и социальную.

Таким образом, рассматривая психологическую готовность человека к деятельности в экстремальных условиях, ученые принимают во внимание целый комплекс переменных, от которых зависит успех деятельности. Их можно объединить в следующие группы:

- компоненты квалификации, требующие приобретения необходимых знаний и умений;
- мотивационные компоненты, характеризующие отношение к деятельности;
- особенности личности и психическое состояние.

На основе изученных литературных источников выделены особенности личности, оказывающие влияние на деятельность в экстремальных условиях. Анализ специфики деятельности, связанной с необходимостью применения огнестрельного оружия, позволил обосновать выбор особенностей личности, нуждающихся в изучении. Проанализированный теоретический материал дал основание полагать, что личностная составляющая определяет различия выраженности психологической готовности сотрудников милиции к применению огнестрельного оружия.

Согласно полученным результатам, группы сотрудников милиции с высокой и низкой психологической готовностью к применению огнестрельного оружия достоверно различаются выраженностью таких качеств, как личностный адаптационный потенциал; компоненты стилевых особенностей саморегуляции (планирование, прогнозирование, моделирование, гибкость и оценивание результатов); решительность; ситуативная и личностная тревожность; комплекс поведенческих реакций в ситуации фрустрации, включающий значения экстрапунитивных, интрапунитивных, импунитивных реакций и реакций с фиксацией на удовлетворении потребности.

Опыт подготовки юридических психологов на факультете психологии Санкт-Петербургского государственного университета

Т.Н. Курбатова, Б.Д. Лысков
Санкт-Петербург

В 1982 году впервые в нашей стране на факультете психологии СПбГУ (бывший ЛГУ им. А.А. Жданова) была открыта специализация «Юридическая психология». Одной из приоритетных задач специализации ставилась подготовка психологов для МВД. Основная работа по составлению учебных программ и планов специализации была выполнена авторами этих тезисов при тесном сотрудничестве с отделом юридической психологии Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности.

Ведущими курсами в учебных планах специализации были такие, как «Криминальная психологи», «Экспериментально-психологическое изучение личности преступника», «Судебно-психологическая экспертиза» и «Судебная психология», которую читал известный отечественный юридический психолог В.Л. Васильев. Для чтения курсов по исправительно-трудовой психологии приглашались опытные работники пенитенциарных учреждений. Курсы «Основы уголовного права» и «Основы уголовного процесса» читались преподавателями юридического факультета СПбГУ.

Существенную роль в совершенствовании курсов по судебно-психологической экспертизе и по смежным вопросам сыграли научные труды М.М. Коченова по судебно-психологической экспертизе, обсуждение с ним методических и методологических проблем экспертизы, происходившее при личных встречах, на конференциях и совещаниях, а также при совместном участии в проведении очень сложных экспертиз в трибунале Ленинградского военного гарнизона.

К настоящему времени на специализации подготовлено более 300 психологов, часть которых работает по своему прямому назначению — преподавателями психологии в учебных заведениях МВД и прокуратуры, в инспекциях по делам несовершеннолетних, в системе УИН Минюста РФ и в региональных центрах судебных экспертиз (в качестве эксперта-психолога). В рамках специализации студентами и аспирантами проводятся научные исследования, касающиеся особенностей личности и поведения правонарушителей, защищаются диссертации, есть среди выпускников доценты и профессора.

Специализация изменяется с учетом требования времени. Так, в последние годы в программу были включены спецкурсы «Психологические аспекты превенции ВИЧ/СПИДа», «Психологическая помощь в кризисных ситуациях», «Сексологические аспекты поведенческих аномалий», «Особенности самосознания лиц с отклоняющимся поведением», «Коррекция поведения в терапевтических сообществах», «Саморазрушающее поведение несовершеннолетних», «Экзистенциальная психотерапия при поведенческих нарушениях» и другие.

Мы в процессе поиска и открыты для конструктивного диалога.

Актуальность исследования профессиональной компетентности судебного психолога-эксперта

В.Ф. Москаленко, О.А. Дорошева
Ставрополь

В настоящее время трудно себе представить высококвалифицированное расследование, разбирательство в суде или в другом компетентном органе без привлечений знаний психологии. Однако, несмотря на то что подготовленность юристов в области психологии, бесспорно, возрастает, все же она отстает от потребности в использовании психологических знаний в уголовном и гражданском процессах.

По мнению Ф.С. Сафуанова, лица, не являющиеся сотрудниками специализированных экспертных учреждений, могут проводить судебно-психологические экспертизы только в исключительных случаях (2000). При этом обязательно должны учитываться их образование, специализа-

ция, стаж работы, опыт экспертной деятельности, наличие ученой степени и другие качества, т.е. возникает проблема исследования профессиональной компетентности судебного психолога-эксперта.

Проблема профессиональной компетентности практических психологов получила интенсивное развитие в последние годы в связи с созданием ряда психологических служб.

В теории психологии имеется несколько концепций, рассматривающих проблему профессиональной компетентности практических психологов.

Так, А.А. Бодалев, А.А. Деркач, Л.Г. Лаптев раскрывают методологические положения профессиональной компетентности: понятие, содержание, модель и критерии профессиональной компетентности практических психологов (2001).

Способность судебного психолога-эксперта эффективно выполнить свои функции зависит от определенных его качеств. Все они во взаимосвязи характеризуются общим понятием — профессиональная компетентность, или профессионализм.

Профессиональная компетентность определяется сформированностью у судебного психолога-эксперта комплекса знаний, навыков, умений, психологических особенностей, качеств, профессиональных позиций и аксиологических инвариантов. Здесь знания, навыки и умения можно представить как ролевые характеристики профессиональной компетентности психолога. Все остальные компоненты предстают в качестве ее субъектных характеристик, указывают на отношение психолога к деятельности и на его сугубо индивидуальный почерк. Причем достижение различных уровней профессиональной компетентности определяется целым рядом детерминант, среди которых — индивидуальные ограничения, являющиеся противопоказаниями для выполнения профессиональных функций. Изучение опыта практической деятельности психологов и ознакомление с передовой практикой социально-психологической работы в нашей стране и за рубежом позволяют выделить следующие отличительные особенности профессиональной компетентности специалистов этого профиля:

- 1) обусловленность целей и задач профессиональной деятельности судебного психолога-эксперта социальным заказом общества и его институтов — оптимально реализовать потенциальные возможности человека как в сфере его деятельности, так и в повседневной жизни; 2) сочетание в задачах многообразия составляющих, которые определяют полифункциональность профессионального труда судебного психолога-эксперта; 3) недостаточная регламентированность социально-правовой, функциональной и профессиональной деятельности, взаимоотношений с различными субъектами труда и жизни, обуславливающая актуальность творческого подхода, адекватного общепринятым нормам, рекомендациям психологической науки, моральным принципам и профессиональной этике; 4) конгруэнтность (соответствие) выдвигаемых целей, задач и функций с индивидуальными возможностями, потребностями и действиями судебного пси-

холога-эксперта; 5) интегративный характер процесса и результатов профессиональной деятельности, складывающийся на основе эффективного использования исследовательско-диагностических, конструкторско-проектировочных, формирующе-развивающих, коррекционно-терапевтических, коммуникативных, аналитико-оценочных и других технологий; 6) творческий характер профессиональной деятельности, базирующийся на знании психологической сути процессов и явлений, широкой эрудиции, личном опыте, активном поиске новаторских подходов и инновационных технологий, личной инициативе и широкой профессиональной коммуникабельности; 7) поливариантность условий выполнения профессиональных обязанностей, которые реализуются комплексно и полифункционально при обязательном непосредственном сопряжении с конкретным человеком, коллективом, их отношениями и взаимосвязями.

Таким образом, труд судебного психолога-эксперта, являясь особым видом труда в современном обществе, содержит как общие, так и специфические признаки. Для его анализа как целостного феномена целесообразно выделить следующие стороны (блоки): профессиональная деятельность, профессиональное общение, развивающаяся личность и результаты труда. Все они объединены единой социальной целью, которая должна достигаться при оптимальной активизации ресурса социального субъекта.

Содержание психологической подготовки юристов

Ю.Г. Панюкова
Красноярск

За период, прошедший с того времени, когда психология стала обязательным учебным курсом для студентов-юристов, то есть с 1964 года, было достаточно много написано по поводу предмета, содержания и отраслей данной области знания. Существенный вклад в разработку этого вопроса внес А.Р. Ратинов. Заслуга ученого именно в этой области заключается в обосновании методологических основ преподавания психологии для юристов. А.Р. Ратинов обозначает и одну из областей «юридической» психологии, которая должна быть обязательной составляющей психологической подготовки будущего юриста, — психологию деятельности следователя.

Сегодня психология юридического труда — одна из отраслей юридической психологии, в рамках которой исследуются психологические основы профессиограмм юридических профессий, психологические особенности профессиональных навыков и умений, личностные характеристики работников правоохранительных органов и т.п., то есть то, что обозначается как описательно-нормативная модель личности и деятельности специалиста или профессиографический подход.

Настоящий момент развития психологии профессионального образования позволяет выделить тенденцию ухода от такого профессиографического подхода и обращение к проблемам профессионального сознания и самосознания субъекта деятельности, то есть ценностям, смысловым образованиям, рефлексии. Определяя задачу учебного курса психологии как становление и развитие профессионального сознания специалиста, сторонники деятельностного подхода в образовании акцентируют внимание на работе с сознанием, на рефлексивно-мыслительной культуре как форме организации сознания профессионала.

Согласно этой тенденции, ориентация на «знаниевый» подход в традиционном вузовском образовании, то есть на вербальное обучение (трансляция, запоминание и воспроизведение текстов), приводит к тому, что выпускник вуза не может перенести это знание на практику, поскольку сложность и многообразие ситуаций не позволяют это сделать. Возникают сложности в адаптации, причина которых на уровне обыденного сознания обозначается как бесполезность информации, полученной в вузе, для практической деятельности.

Работа с сознанием, развитие рефлексивно-мыслительной культуры порождает иную ситуацию. Г.П. Щедровицкий отмечал, что в любой деятельности человек всегда должен фиксировать свое сознание, во-первых, на объектах деятельности, а во-вторых, на самой деятельности — человек должен видеть и знать себя действующим, видеть свои действия, свои операции, свои средства и даже свои цели и задачи. Именно в способности отличать себя от своей деятельности, противопоставлять ее себе в качестве объекта — специфика рефлексивного сознания.

Если развитие рефлексивного сознания будущего юриста станет одной из задач курса психологии, то содержание данного курса может быть определено основными направлениями исследования рефлексии, такими, как:

- интеллектуальная рефлексия (при изучении организации когнитивных процессов переработки информации);
- коммуникативная рефлексия (при изучении механизмов социальной перцепции в общении);
- кооперативная рефлексия (при изучении механизмов совместного действия и взаимодействия);
- личностная рефлексия (при изучении проблем развития и коррекции самосознания и «Я-образа» личности).

В качестве механизмов рефлексивных процессов могут рассматриваться осознание субъектом оснований совершаемых действий, исходных установок, стилевых характеристик личности, играемых ролей, занимаемых позиций, способов кооперации и т.д.

В результате осознания субъектом выбора средств собственной деятельности развивается особое ценностно-смысловое отношение как к объектам деятельности, так и к самой деятельности.

Подобный подход к психологической подготовке будущих юристов позволит внести ясность в соотношение «сфер влияния» правового и

психологического знания, поскольку правовая практика становится объектом деятельности, а способы, средства, намерения, цели и задачи этой деятельности моделируются в пространстве психологического знания.

Актуальные проблемы подготовки психологов для системы МВД России

М.В. Прякина
Санкт-Петербург

Развитие практической психологии началось в правоохранительной системе более 30 лет назад, когда при окружной военно-врачебной комиссии Управления внутренних дел Мосгорисполкома была создана первая психофизиологическая лаборатория для отбора водителей спецтранспорта.

Сегодня в структуру психологической службы органов внутренних дел входят: на федеральном уровне — отдел психологического обеспечения Департамента кадров МВД России и Главный Центр психодиагностики МВД России; на региональном уровне — центры психологической диагностики и психологические службы (отделы, отделения, группы) МВД, ГУВД, УВД, УВДТ субъектов Российской Федерации, ведомственных учебных заведений и научно-исследовательских институтов. Кроме того, сегодня психологи работают практически в каждом городском и районном Управлении внутренних дел.

Система психологического обеспечения МВД реально охватывает все этапы прохождения службы, начиная с момента поступления кандидата на службу, вхождения в должность, адаптации к профессии и сопровождения профессиональной деятельности сотрудника в течение всего периода службы в органах внутренних дел, включая его психологическую подготовку перед уходом на заслуженный отдых.

По всем этапам прохождения службы система психологического обеспечения предусматривает:

- профессиональный психологический отбор кандидатов на службу в органы внутренних дел, психологическое обследование сотрудников, перемещаемых на вышестоящую должность в системе МВД России;
- психологическое сопровождение сотрудников, их психологическую реабилитацию и восстановление работоспособности;
- социально-психологическую работу по обеспечению благоприятного социально-психологического климата в коллективах, психологическое консультирование руководителей подразделений, сотрудников и членов их семей;
- профессионально-психологическую подготовку сотрудников, оказание сотрудникам, вновь принятым на службу, психологической помощи в адаптации к условиям оперативно-служебной деятельности;

- психологическое обеспечение деятельности сотрудников в экстремальных условиях несения службы.

Эти направления психологической работы подкреплены соответствующими нормативными правовыми актами, методическими разработками МВД России и включены в содержание образовательной подготовки специалистов-психологов.

Опыт становления психологической службы в МВД показал, что психологов для работы в нашем министерстве нужно специально и целенаправленно готовить, только тогда они эффективно смогут выполнять сложные задачи психологического обеспечения деятельности сотрудников правоохранительной системы. Поэтому с 1999 года на базе Санкт-Петербургского университета МВД России организована и проводится подготовка психологов для органов внутренних дел. За это время в нашем вузе подготовлено более 150 квалифицированных кадров, которые осуществляют психологическое сопровождение работы с личным составом.

Однако в настоящее время среди направлений деятельности психологической службы МВД все более значительное место начинает занимать направление, связанное с психологическим обеспечением оперативно-служебной деятельности сотрудников. В рамках этого направления психологи ОВД должны осуществлять следующие мероприятия:

- консультирование сотрудников по психологическим аспектам оперативно-служебных задач;

- обеспечение переговорной деятельности (разработка сценария и ведение переговоров при угрозе совершения террористических актов, в ситуациях захвата заложников, массовых беспорядков, в условиях взаимодействия различных служб, подразделений, структур и т. д.);

- психологическое портретирование преступника (подозреваемого, свидетеля);

- социально-психологическое изучение преступных группировок;

- специальное психофизиологическое исследование (СПФИ) при раскрытии преступлений;

- использование нетрадиционных психологических методов раскрытия преступлений (визуальная диагностика, графологическая диагностика, гипноз, трансовые методики, НЛП, ассоциативный эксперимент, анализ утверждений и т. д.);

- различные виды психологической экспертизы.

Представляется целесообразным создать в структуре психологической службы МВД России подразделения из специально подготовленных психологов, юристов, прошедших переподготовку, которые будут решать соответствующие задачи по психологическому обеспечению оперативно-служебной деятельности сотрудников ОВД. Эти подразделения должны быть мобильны, оснащены техникой, позволяющей использовать современные технологии, иметь численный состав, способный справиться с поставленными задачами.

Таким образом, на данном этапе развития прикладной юридической психологии в системе МВД существует необходимость в решении задач подготовки психологов к обеспечению оперативно-служебной деятельности сотрудников. Развитие этого направления позволит включить психолога в качестве консультанта и эксперта в профессиональную деятельность специалистов правоохранительной системы и тем самым повысить востребованность психологической службы органов внутренних дел.

Проблемы межличностного общения в криминалистике

В.В. Сутужко
Саратов

Проанализируем отдельно психологические отношения, которые возникают при межличностном общении в криминалистике. Одной из главных проблем юридической психологии является проблема тех отношений, которые возникают в общении между следователем и допрашиваемым, и воздействуют на достижение дознавателем целей допроса. Уровнем знаний, профессиональным опытом и навыками следователя определяется успешность решения этих проблем.

В юридической психологии допрос характеризуется как общение в виде беседы, традиции и формы которого регламентированы нормами уголовно-процессуального кодекса, а его участники, хотя и являются собеседниками, находятся в неравном положении, поскольку наделены разными правами, обязанностями и степенями личной свободы.

Дознаватель в рамках возложенных на него законом обязанностей организует и руководит процессом профессионального общения, целью которого является получение полной и точной информации о фактах совершения преступления и о личности подозреваемого. В процессе такого общения следователь должен выполнять действия, предусмотренные законодательством и технологией допроса, с целью получить от допрашиваемого истинные сведения по уголовному делу. Профессиональной позицией, опытом и психологическими характеристиками личности следователя определяются основные правила его поведения на допросе.

Понятие допроса рассматривается здесь как конкретная форма межличностного общения, как частное проявление теории межличностных отношений. Процесс допрашивания определяется социально-психологическими закономерностями ролевого положения допрашиваемого и следователя и возникающими в результате этого отношениями. Неравное социальное положение, в котором находятся участники такого общения, дополненное чувством настороженности, недоверия или враждебности со стороны допрашиваемого человека и стремлением быстро преодолеть этот барьер со стороны неопытного следователя, является зачастую причиной взаимной антипатии и плохого психологического контакта сторон.

Другими словами, допрашиваемый человек относит себя к одной социальной группе, «Мы», а в следователя оценивает, как члена другой группы, «Они». Все это не способствует созданию атмосферы доверительного общения, психологическому контакту и, самое важное, достижению цели допроса. Отношением к следователю как к чужому человеку обуславливается нежелание сообщать ему всю известную информацию о преступлении, тем более что часто речь может идти об интимных вопросах. Особенно остро данная коллизия проявляется на допросе обвиняемого человека. Находящийся под стражей, приведенный из места заключения к дознавателю человек даже в силу данного положения склонен разделять окружающих на «Мы», обвиняемые по одному уголовному делу, соучастники на свободе, другие заключенные, и «Они», в первую очередь следователь, оперативные работники, прокурор и другие. В данных непростых обстоятельствах следователю приходится учитывать все основные социальные роли, исполняемые допрашиваемым человеком в жизни, а главное, научиться направлять допрашиваемого человека к принятию такого ролевого статуса, который бы соответствовал ситуации их межличностного общения.

Для достижения цели допроса следователю совсем не безразлично, какую роль из всего множества своих социальных ролей будет исполнять допрашиваемый. Важной и сложной является роль следователя и при проведении очной ставки. С одной стороны, следователь обязан отразить в протоколе все основное содержание очной ставки. С другой стороны, следователь как организатор раскрытия преступления обязан уметь подготовить и провести очную ставку таким образом, чтобы в конечном итоге истина торжествовала над ложью.

Заведомо ложные показания одного или обоих участников очной ставки могут быть причиной противоречий. В их основе лежат такие отношения участников данного вида общения: нежелание выдавать соучастников, боязнь ответной мести, подкуп, ложно понимаемое чувство дружбы, родственные отношения и т. п. Мотивы ложных показаний следователь обязан хорошо представлять себе, чтобы воздействовать на личность, нейтрализуя эти мотивы. Одной из главных причин противоречий на очной ставке бывает зачастую неприязненные отношения между ее участниками. При этом конфликтные отношения на очной ставке проявляются как продолжение конфликтной ситуации, возникшей задолго до этого. Поэтому в подобных случаях к проведению очной ставки следует подходить очень осторожно, изучив конфликтные ситуации и их причины. Также противоречия на очной ставке могут быть связаны с ролевыми статусами ее участников и в этом случае объясняются отношениями, которые связаны с престижем той или иной социальной роли. Большую сложность для следователя представляет общение на очной ставке между двумя преступниками, каждый из которых дает ложные показания, и т.д.

Очевидно, что способов, которыми может быть установлен психологический контакт при межличностном общении в криминалистике в виде допроса, очной ставки и т.д., множество. Однако все они подчиняются определенным психологическим закономерностям. Вступление в контакт на основе смены отношения допрашиваемого к следователю происходит в результате изменения его ролевой позиции и активного воздействия следователя. Это психическое воздействие представляет собой форму личностного отношения. Интенсивность его находится в прямой зависимости от степени сознания общности и чувства «Мы» и от взаимного доверия. Изучая допрашиваемого человека, следователь планирует обращение в его лучшую сторону, к социально положительным ролевым позициям данной личности. Этически и тактически недопустимо, чтобы следователь обращался к отрицательным сторонам личности.

Следователям необходимо хорошо изучить ту позитивную область отношений личности, на базе которой у них возникают психологические взаимодействия с допрашиваемыми людьми. Создавая в ходе общения психологическую общность «Мы», следователь демонстрирует допрашиваемому, что с ним взаимодействует компетентный, чуткий и внимательный человек, и это является первым шагом для перестройки отношения к дознавателю и общего успеха таких взаимодействий.

Итак, исследование проблем межличностного общения в криминалистике является одной из важных и актуальных задач юридической психологии.

Проблема психопрофилактики профессиональной деформации личности сотрудника ОВД

К.Р. Такаева
Москва

Особое значение оценка кадров приобретает в органах внутренних дел. Сотрудники ОВД в целях успешного выполнения поставленных перед ними задач наделены особыми полномочиями, не имеющими аналогов в других сферах государственного управления, обеспечены специальными средствами ограниченного характера, включая и огнестрельное оружие. Всё это выделяет кадры органов внутренних дел в особую категорию государственных служащих, усиливает значение мероприятий по современной оценке их профессиональной пригодности и надежности.

Есть еще одна особенность деятельности сотрудника ОВД, о которой часто забывают, но которая нередко бывает основной причиной проявления профессиональной деформации. Имеется в виду, что сотрудник милиции обязан во многих конкретных и часто уникальных ситуациях действовать по собственному усмотрению, исходя из специфики ситуации. Это означает, что субъект подобной деятельности должен не только

хорошо знать нормы деятельности и должностные инструкции, но и самостоятельно доопределять их исходя из специфики ситуации. Он должен не только действовать как исполнитель законов и подзаконных актов, но и зачастую выходить в управленческую позицию и самостоятельно принимать решения о своих последующих действиях.

Вместе с тем это проблема носит личностный характер. Каждый человек имеет свой социальный и профессиональный опыт, свои мотивы и желания, обладает интеллектуальными и психофизиологическими возможностями. Игнорирование индивидуальных психологических особенностей сотрудника, как показывает практика, неизбежно приводит к нежелательным последствиям.

Наличие большого числа психотравмирующих факторов деятельности, возможность подвергнуться профессиональной деформации личности, стрессовый, экстремальный характер всей деятельности сотрудников ОВД обуславливают необходимость разработки специальных психологических мер профилактики, коррекции.

При разработке профилактических мер должны учитываться и использоваться защитные силы самой личности, которые следует стимулировать, усиливая морально-психологическую устойчивость и сопротивление деформирующим факторам.

Устойчивая направленность личности сотрудника (соответствующая социальным требованиям профессии), развитые волевые качества и коммуникативные способности являются базой противодействия любым деформирующим условиям. Это связано с прочностью (устойчивостью) личностных структур, а также со структурно-психологическими компонентами морально-психологической подготовленности, среди которых важное место принадлежит морально-психологическим знаниям и убеждениям сотрудника, которые обеспечивают правильное понимание вопросов морали и этики профессионального поведения; морально-психологическим установкам и ценностным ориентациям, т.е. внутреннему принятию вышеупомянутых знаний, которые должны приобрести личностный смысл и ориентировать сотрудника на принятие решения при выполнении служебных задач.

В этой связи необходимо вооружать практических психологов новыми эффективными методиками и технологиями профессионально-психологической подготовки. Велика и роль использования психологических тренингов в системе служебной подготовки, повышения квалификации и переподготовки личного состава, а также при реализации учебно-воспитательного процесса в образовательных учреждениях МВД России.

Исходными методологическими положениями при проведении психологических тренингов могут выступать следующие моменты: новые психологические образования, возникающие в процессе интериоризации внешнего профессионального контекста, создаваемого в психологическом тренинге, должны активизировать профессиональное саморазвитие сотрудников милиции и закреплять в последующем в профессиональной деятельности.

Клинико-психологические формы преодоления профессиональной деформации личности сотрудника ОВД должны быть направлены главным образом на коррекцию патохарактерологических аномалий, чрезмерного психоэмоционального напряжения, восстановление нейродинамических функций, повышение психофизиологических механизмов саморегуляции и работоспособности, профилактику психосоматических и психических нарушений. Арсенал реабилитационных мероприятий при этом включает также психотерапевтические и фармакокоррекционные мероприятия. Крайне важно на данном этапе привлечение клинических психологов и психотерапевтов с целью компетентной реализации комплекса реабилитационных мероприятий, а также совершенствование и дальнейшая разработка конкретных мероприятий по психопрофилактике профессиональной деформации, которые бы удовлетворяли потребности действующих сотрудников милиции.

Развитие личности курсанта в процессе получения профессионального образования

И.В. Упорникова-Пивоварова
Ростов-на-Дону

Развитие личности обучающегося — сложный процесс, от его протекания зависит успех овладения профессиональным мастерством. Для обучающегося важно понять наличие широкого спектра причин и условий, влияющих на профессиональное самосовершенствование. Знание внешних обстоятельств помогает определиться со стратегией и тактикой своих действий в плане работы над собой. При этом очень важно понять психолого-педагогический механизм формирования умений, профессионально значимых качеств личности, развитие знаний и способностей. Практика показывает, что при типичных условиях деятельности один сотрудник успешно осваивает профессию, а другой этого сделать не может. Формирование профессионального мастерства в этих случаях зависит от самой личности обучающегося.

Развитие курсанта как личности, как субъекта деятельности — важнейшая цель и задача любой образовательной системы и может рассматриваться в качестве ее системообразующего компонента. В целом развитие личности курсанта как будущего специалиста с высшим образованием идет в ряде направлений:

— укрепляется идейная убежденность, профессиональная направленность, развиваются необходимые способности;

— совершенствуются, «профессионализируются» психические процессы, состояния, опыт;

— повышаются чувство долга, ответственность за успех профессиональной деятельности, рельефнее выступает индивидуальность курсанта;

— растут притязания личности курсанта в области своей будущей профессии;

— на основе интенсивной передачи социального и профессионального опыта и формирования нужных качеств растут общая зрелость и устойчивость личности курсанта;

— повышается удельный вес самовоспитания курсанта в формировании качеств, опыта, необходимых ему как будущему специалисту;

— крепнут профессиональная самостоятельность и готовность к будущей практической работе.

Формирование курсанта в вузе как личности обязательно включает в себя развитие интеллекта, эмоциональной сферы, устойчивости к стрессам, позитивного отношения к миру, самостоятельности.

Время учебы в вузе совпадает с периодом зрелости и характеризуется становлением личностных свойств. Заметно укрепляются такие качества, как целеустремленность, решительность, настойчивость, умение владеть собой. Наблюдается усиление социально-нравственных мотивов поведения, повышается интерес к моральным проблемам — образу и смыслу жизни, долгу, ответственности, любви и верности.

Факт обучения в вузе укрепляет веру молодых людей в свои собственные силы, порождает надежду на полноценную в профессионально-творческом плане жизнь и деятельность. Курсанты юридического вуза характеризуются широтой познавательных интересов, эрудированностью по многим проблемам культуры, истории, языка, имеют богатый словарный запас и высокий уровень развития речи.

Качество образования зависит от многих факторов, прежде всего от педагогической деятельности вуза, его учебно-материальной базы, научно-методического, организационно-управленческого, финансово-экономического, технического и кадрового обеспечения. Помимо вышеперечисленного качество образования определяется еще одним важным фактором — активным участием курсанта в научно-исследовательской работе вуза.

Обучающийся не просто объект социальных воздействий, он, прежде всего, субъект социального развития, а также активный субъект саморазвития, в том числе и самовоспитания. Важно не только говорить об усвоении знаний индивидом, но и рассматривать личность в качестве активно-го субъекта познания, обучения и воспитания.

Развитие личности курсанта вуза, формирование и закрепление устойчивых интеллектуальных качеств могут быть достигнуты за счет повышения уровня содержания образования как основы развития мышления. Уровень образования связан с насыщением учебных дисциплин современными научными концепциями и гипотезами, с формированием в них передовых систем знаний, выработкой определенных механизмов мышления, а также способностью к объективным оценочным действиям.

**Развитие социального интеллекта сотрудников
правоохранительных органов в процессе
профессионально-психологической подготовки
в высшем образовательном учреждении МВД России**

М.М. Фетисова

Тверь

Актуальность исследования социально-психологических качеств сотрудника ОВД и их развития в высшем образовательном учреждении МВД России, т.е. в начале профессионального пути, продиктована обстоятельствами как теоретического, так и практического характера. Сложные виды профессиональной деятельности предъявляют повышенные психологические требования к специалисту.

Анализ отзывов на выпускников вузов МВД РФ (на примере Тверского филиала Московского университета МВД РФ) непосредственных руководителей органов и подразделений органов внутренних дел показывает следующие характерные недостатки в служебной деятельности молодых сотрудников: длительная адаптация к службе, трудности общения с населением, недостаток ответственности, отсутствие инициативности, низкая дисциплинированность.

Низкий уровень адаптированности к условиям службы, возможно, связан с возрастными особенностями выпускников. Отсутствие жизненного опыта, эмоциональная незрелость, инфантильность поведения приводят к ошибкам в профессиональной деятельности и негативному восприятию их руководителями ОВД. Другим фактором, оказывающим влияние на профессиональное становление молодых сотрудников, является уровень развития профессионально значимых качеств личности и их психологическая подготовка к профессиональной деятельности.

Сравнительный анализ отзывов на выпускников с результатами профессионального психологического отбора при поступлении и показателями социального интеллекта показал зависимость успешности вхождения в должность от группы профессиональной пригодности. Кроме того, на успешность адаптации к службе значимо влияют такие качества, как умение ориентироваться в экстремальных ситуациях, авторитет в коллективе, организаторские способности, уровень конфликтности.

Несоответствие уровня сформированности определенных социально-психологических качеств у молодых сотрудников ОВД требованиям профессии предопределяет необходимость выбора наиболее эффективных методов их развития в вузе МВД.

Социально-психологическое развитие личности предполагает формирование способностей и свойств, обеспечивающих ее социальную адекватность. Такими важнейшими способностями выступают социальное воображение и социальный интеллект. Социальный интеллект обеспечивает

понимание поступков и действий людей, понимание речевой продукции человека, а также его невербальных реакций (мимики, жестов, поз). Он является когнитивной составляющей коммуникативных способностей личности и профессионально важным качеством в профессиях типа «человек—человек». Исследования, которые провели А.Л. Южанинова, а также ряд других ученых, выявили, что социальный интеллект слабо связан с оценками общего интеллекта, что позволяет выделить его в качестве самостоятельного компонента общей системы познавательных способностей. Чем выше социальный интеллект, тем общение с человеком желательнее для окружающих, тем увереннее он себя чувствует.

Результаты исследования социального интеллекта у выпускников Тверского филиала Московского университета МВД РФ показали, что 65% имеют средний уровень развития данной способности, а 25% — уровень ниже среднего. Очевидно, что, приступая к самостоятельной практической деятельности, выпускники сталкиваются с различными затруднениями, часть из которых относится к сфере социального взаимодействия. Таким образом:

1. Социальный интеллект является важным фактором профессионального становления личности сотрудника ОВД и позволяет прогнозировать успешность освоения деятельности. Применение в высшем образовательном учреждении МВД специальных методик обучения, направленных на развитие социально-перцептивных способностей, социального воображения и социальной техники общения, позволит оптимизировать межличностное взаимодействие сотрудников ОВД и поможет более успешно решать поставленные перед ними служебные задачи.

2. Уровень развития важных для сотрудника социально психологических качеств у выпускников в целом значительно ниже, чем у профессионально успешных сотрудников ОВД.

3. Использование в ходе учебных занятий в вузе МВД метода моделирования элементов оперативно-разыскной деятельности, позволяющего ставить обучаемых в такую социально-психологическую ситуацию развития, которая востребует применения значимых для ее успешного решения коммуникативных, интеллектуальных и характеризующих психологическую устойчивость умений и навыков, активизирует процесс развития соответствующих профессионально-психологических качеств.

4. Результативным способом оптимизации развития социально-психологических качеств сотрудника ОВД в высшем образовательном учреждении МВД является разработка и использование «Практикума по развитию профессионально важных социально-психологических качеств сотрудников ОВД».

Профориентационная работа со студентами юридических факультетов как одно из направлений юридической психологии

Ю.В. Чепурко
Ангарск

Одной из задач юридической психологии выступает задача подбора и подготовки кадров, воспитания и обучения следственных и судебных работников, роста их профессионального мастерства, формирования необходимых личных качеств. Подготовка кадров для правоохранительных органов начинается с обучения в высшем учебном заведении на юридическом факультете.

В. Клейн, Ф. Плазырин отмечают, что высшее юридическое образование предполагает подготовку специалиста по единой модели, в соответствии с государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования. Но проблема имеет такой аспект, что общий подход к профессиональной подготовке юристов в свою очередь порождает «миграцию» в рамках юридической деятельности — переход из одного вида в другой.

Среди юридических профессий есть такие, овладение которыми требует не только задатков, призвания и образования, но и большого жизненного опыта, целого ряда профессиональных навыков и умений. Это профессии судьи, прокурора, следователя и другие. Почти все эти профессии в настоящее время считаются престижными, но многие абитуриенты, студенты и выпускники, выбирая для себя их, не имеют ясного представления обо всей сложности предстоящей деятельности и, кроме того, не представляют, какие требования будут к ним предъявлены.

Психология юридического труда исследует психические закономерности правоприменительной деятельности и разрабатывает психологические основы профессиограммы юридических профессий, а также занимается проблемами профессиональной ориентации, профессионального отбора, профессионального воспитания и формирования личности работников правоохранительных органов и др.

В деятельности юриста существует сходство и различие трудовых задач, и разнообразие этих задач определяет разные требования к индивидуально-личностным качествам субъекта труда, его знаниям, навыкам и умениям.

Основная задача психологии юридического труда — выявление рациональных соотношений между личностью и требованиями, которые ей предъявляются профессией.

В результате проведенного анкетирования среди студентов факультета юриспруденции выяснилось, что более половины не знают, какую профессию юридического профиля выбрать. Также существует потребность у студентов в дополнительной информации о профессиях юридического профиля.

Среди элементов общей подготовки юристов представляет специфический интерес для юридической психологии профориентация старшеклассников и абитуриентов — будущих юристов.

Профорентация старшекласников обычно проходит в школах во время занятий по профессиональному самоопределению, и перед молодым человеком встает вопрос о выборе профессии, но определиться в нем он должен, не имея опыта принятия решений. Отсутствие же у абитуриента полной картины видов деятельности юриста усложняет в дальнейшем выбор специализации на старших курсах. Более того, осуществив выбор специализации, студент также не имеет точных знаний обо всех видах деятельности юриста. Таким образом, одной из задач юридического психолога может выступать задача построения профорентационной работы с абитуриентами и студентами юридических факультетов.

В связи с этим представляется перспективной гипотеза, что профессия «юрист» имеет общие (инвариантные) и специфические (отличные от других) стороны, диктующие, соответственно, общие и отличные требования к субъекту труда. Такая гипотеза может выступить организующим элементом теоретико-экспериментального исследования по психологическому профессиоведению и типологии видов юридического труда, выявлению внутривидовых различий в целях профорентации старшекласников и абитуриентов юридических факультетов.

Опыт психологического отбора кандидатов на должность судей

С.С. Шипшин, О.С. Шипшина
Ростов-на-Дону

В течение нескольких лет Южный РЦСЭ Минюста РФ участвует в становлении системы профессионального психологического отбора в суде. Как показывает практика, несмотря на то что практически во всех субъектах РФ ведется подобная работа, до настоящего времени не выработан единый подход к критериям отбора кандидатов на должность судей. В ряде территорий основной упор делается на медицинский критерий пригодности кандидатов. В некоторых регионах для целей отбора используется полиграф. В других используется схема, применяемая к поступающим на службу в МВД.

Мы в своем подходе к проблеме психологического отбора исходим из того, что деятельность судьи специфична, существенно отличается от других видов правоохранительной и правоприменительной деятельности, а потому вряд ли следует механистично переносить хорошо проверенные и работающие в других системах методы.

Вряд ли целесообразно делать упор на медицинский критерий — существует законодательно закрепленный перечень заболеваний, исключаящих или ограничивающих возможность заниматься судебной дея-

тельностью. При этом сводить вопросы психологического отбора к медицинским проблемам принципиально неверно.

Используя целостный и личностный подходы, нами был разработан пакет психодиагностических методов, включающий в себя относительно «компактные», не занимающие длительного времени методы, параметры которых выявили высокую корреляционную связь. Среди них ИТО Л. Собчик, опросник конструктивного мышления С. Эпштейна и шкала контроля действий НАКЕМР-90 Ю. Куля.

Привлекательным для использования отмеченных методов являются, во-первых, их компактность и простота; во-вторых, тот факт, что каждый из них базируется на серьезной и в то же время «элегантной» (что особенно относится к теории ведущих тенденций Л. Собчик) теоретической концепции, и, наконец, определенное концептуальное сходство (о чем, в частности, может свидетельствовать и существование корреляционной связи между основными факторами).

Дополнительно были включены интеллектуальный тест (CF-2А Кеттелла), а также фрустрационный тест Розенцвейга (в котором помимо стандартных параметров исследуются тенденции Раухфляйша, а также две новые тенденции, изучением которых мы занимаемся в последнее время). Следует отметить, что использование интеллектуального теста на данном этапе является некоторой формальностью — отбор проходят юристы, длительное время успешно работавшие в различных сферах юриспруденции, сдавшие квалификационный экзамен. При этом наши данные свидетельствуют о недостаточной продуктивности результатов CF-2А, поскольку им не выявляются профессионально важные характеристики мышления судьи. Однако использование «громоздких» методов (тест Амтхауэра, батарея Векслера) вряд ли целесообразно при проведении психологического отбора на должность судьи. Поэтому вопрос поиска новых методов, позволяющих изучать мышление кандидатов на должность судей, остается неразрешенным.

Что касается фрустрационного теста Розенцвейга, то использование его в комплексе с другими описанными методами, не ограничивая его возможности только лишь изучением тенденций реагирования в сложных ситуациях, дает высокую результативность, подтверждая и дополняя выявленные индивидуальные и личностные тенденции.

Небезынтересно применение шкалы Рокича для анализа системы ценностей кандидата, особенно при сопоставлении ранжировок ценностей, соответствующих самому кандидату («Я»), и ценностей, которые свойственны, по мнению кандидата, судье. Это позволяет выявить, насколько кандидат идентифицирует себя с образом судьи, насколько мотивировано решение стать судьей.

В настоящее время нами разрабатывается обобщенный портрет кандидата на должность судьи, который позволит корректировать подходы к психологическому отбору в суде.

Профессиональное общение судебного эксперта-психолога: факторы успешности и условия совершенствования

А.В. Юнда
Волгоград

Основные трудности становления психолога как судебного эксперта состоят в адаптации к сложной структуре профессиональных социальных отношений. Специалисту необходимо вступать в большое число контактов с участниками назначения и проведения экспертиз, иными лицами, прямо или косвенно заинтересованными в результатах экспертизы. Это общение происходит в процессуальных и непроцессуальных формах. В нашем исследовании, проведенном в период 2002—2005 гг., участвовали психологи Волгоградской области, регулярно выступающие в роли судебных экспертов. Проводились анкетирование, опросы, фокус-группы, включенное наблюдение, а также анализ более 300 ситуаций профессионального общения.

Результаты показывают, что наиболее сложным участники опроса называют профессиональное взаимодействие с лицами, назначающими экспертизы, где специалисту-психологу постоянно требуется позиционировать себя в качестве эксперта в сложившейся системе как формальных, так и неформальных отношений. С участниками проведения экспертного исследования трудными называют ситуации взаимодействия с несовершеннолетними и малолетними потерпевшими, а также с подэкспертными, имеющими различные формы психических аномалий. Проблемы возникают во взаимодействии с лицами, заинтересованными в исходе экспертизы, которые могут оказывать психологическое воздействие на эксперта. В значительной степени определяющим успешность профессионального общения называют четкое понимание границ собственной профессиональной компетентности.

При изучении факторов, определяющих успешность профессионального общения судебного эксперта-психолога (метод экспертных оценок, опрос, анкетирование, опросник Липмана), как наиболее значимые выделены следующие: широкий коммуникативный опыт психолога, в том числе с субъектами затрудненного общения, контактность, диалогическая коммуникативная направленность, толерантность, коммуникативная гибкость, способность к социальному прогнозированию, социально-психологическая наблюдательность, эмоциональная устойчивость, самостоятельность в суждениях и при принятии решений, навыки защиты от психологического воздействия и др. Использование Калифорнийского психологического опросника (СРІ) позволило выявить прямую корреляционную связь успешности профессионального общения эксперта-психолога с фактором независимости ($r = 0,557$); эффективности общения с различными категориями подэкспертных с факторами толе-

рантности (0,732) и эмпатии (0,576); эффективности общения с лицами, назначающими экспертные исследования, с факторами гибкости (0,603) и самопринятия (0,705). Выявлена обратная корреляционная связь эффективности взаимодействия в экспертной группе с фактором «психологическая направленность» (-0,597) (высокие баллы по данной шкале означают трудности построения персональных отношений, абстрактное восприятие проблем, недостаток в выражении эмпатии, неадекватную чувствительность к социальным тонкостям).

Учитывая специфику передачи опыта профессионального общения судебного эксперта-психолога, определены условия эффективной подготовки специалиста к экспертной деятельности: наставничество (коучинг, супервизия); преимущественное использование комиссионной формы производства экспертиз; постоянный обмен опытом между экспертами-психологами (балинтовские группы); социально-психологический тренинг профессионального общения.

Опытная работа включала тренинг подготовки психологов к эффективному профессиональному общению судебного эксперта. Обобщение опыта тренинговой работы показывает, что в результате у специалистов-психологов появляются осознание специфики профессиональных коммуникаций судебного эксперта, понимание многообразия причин и способов поведения в различных ситуациях межличностного взаимодействия с участниками назначения и проведения экспертных исследований, совершенствуются навыки профессионального общения. Приобретенные в тренинге навыки и умения позволяют психологу-эксперту использовать различные способы реагирования в сложных коммуникативных ситуациях, повышают психологическую готовность эксперта к профессиональному общению, адаптируют его к трудовой среде. Модификация тренинга использовалась в учебном процессе со студентами специальности «Психология» в целях формирования адекватного представления о деятельности судебного эксперта-психолога.

СОДЕРЖАНИЕ

Ювенальная юридическая психология

- ✓ Булыгина В.Г. (Москва)
Психосоциальное лечение несовершеннолетних правонарушителей с выраженными психическими расстройствами 4
- Воронова Е.Л. (Ростов-на-Дону)
О роли психологии в ювенальном судопроизводстве 5
- Максудов Р.Р. (Москва)
Заметки о восстановительном подходе в ювенальной юстиции 7
- ✓ Мирошниченко Е.М., Булыгина В.Г. (Москва)
Психокоррекционная работа с несовершеннолетними больными шизофренией, совершившими правонарушения 9
- ✓ Ошевский Д.С., Дозорцева Е.Г. (Москва)
Структурированная оценка факторов риска совершения подростками агрессивно-насильственных правонарушений 11
- Сыроквашина К.В. (Москва)
Полорольевые образы у девочек-подростков с делинквентным поведением 13
- Терехина С.А. (Москва)
Семейный контекст делинквентного поведения девочек-подростков с отклоняющимся поведением 15
- ✓ Тихомирова А.В. (Москва)
Проблемы формирования ответственного поведения подростков с делинквентным поведением в рамках восстановительного подхода 16
- Шипшин С.С. (Ростов-на-Дону)
О различных процессуальных формах использования психологических знаний в ювенальной юстиции 18

Пенитенциарная психология

- Александрова Л.А. (Москва)
Посттравматический стресс и дезадаптация у осужденных 22

<i>Лужецкая А.М.</i> (Ангарск) Особенности синдрома эмоционального выгорания у сотрудников уголовно-исправительных учреждений в сравнении с некоторыми представителями 24 профессий типа «человек — человек» <i>Санникова О.Е., Сидоров П.И., Соловьев А.Г.</i> (Архангельск)	24
Особенности психофизиологического состояния ВИЧ-инфицированных осужденных 25 <i>Сирота Н.А., Ялтонский В.М., Лопатин Д.В.</i> (Москва)	25
Совладающее со стрессом поведение больных, зависимых от героина, находящихся на лечении в пенитенциарных учреждениях 27 <i>Хачатурян С.Д.</i> (Владимир)	27
Критерии эффективности психокоррекционной работы с осужденными 28 <i>Ялтонский В.М., Сирота Н.А., Авдеев С.А., Белова Е.Г., Медведева Ю.М., Лопатин Д.В.</i> (Москва)	28
ВИЧ-инфекция, туберкулез, гепатит С и злоупотребления наркотиками — актуальная проблема пенитенциарной клинической психологии 30	30

Подготовка кадров

<i>Арсланов Т.А.</i> (Калуга) Описание курса «Методы специальных психофизиологических исследований в судебно-психологической экспертизе» для студентов-психологов, обучающихся по специализации 02.04.07 «Юридическая психология» 34 <i>Дозорцева Е.Г.</i> (Москва)	34
Подготовка специалистов по юридической психологии: проблемы детей и подростков 35 <i>Енгальцев В.Ф.</i> (Калуга)	35
Компетентностный подход к обучению специалистов в юридической психологии 37 <i>Коноплева И.И.</i> (Ростов-на-Дону)	37
Личностная составляющая психологической готовности сотрудников милиции к применению огнестрельного оружия 39 <i>Курбатова Т.Н., Лысков Б.Д.</i> (Санкт-Петербург)	39
Опыт подготовки юридических психологов на факультете психологии Санкт-Петербургского государственного университета 41	41

<i>Москаленко В.Ф., Дорошева О.А.</i> (Ставрополь) Актуальность исследования профессиональной компетентности судебного психолога-эксперта	42
<i>Панюкова Ю.Г.</i> (Красноярск) Содержание психологической подготовки юристов	44
<i>Пряхина М.В.</i> (Санкт-Петербург) Актуальные проблемы подготовки психологов для системы МВД России	46
<i>Сутужко В.В.</i> (Саратов) Проблемы межличностного общения в криминалистике	48
<i>Такасава К.Р.</i> (Москва) Проблема психопрофилактики профессиональной деформации личности сотрудника ОВД	50
<i>Упорникова-Пивоварова И.В.</i> (Ростов-на-Дону) Развитие личности курсанта в процессе получения профессионального образования	52
<i>Фетисова М.М.</i> (Тверь) Развитие социального интеллекта сотрудников правоохранительных органов в процессе профессионально-психологической подготовки в высшем образовательном учреждении МВД России	54
<i>Чепурко Ю.В.</i> (Ангарск) Профориситационная работа со студентами юридических факультетов как одно из направлений юридической психологии	56
<i>Шипшин С.С., Шипшина О.С.</i> (Ростов-на-Дону) Опыт психологического отбора кандидатов на должность судей	57
<i>Юнда А.В.</i> (Волгоград) Профессиональное общение судебного эксперта-психолога: факторы успешности и условия совершенствования	59

**Материалы
конференции по юридической психологии,
посвященной памяти
М.М. Коченова**

Часть II

**Корректор *А.С. Антонова*
Компьютерная верстка: *М.А. Баскакова***

**Формат 60x90^{1/16}. Гарнитура «Ньютон».
Тираж 150 экз.**

**Лицензия ИД № 01278 от 22.03.2000
Московский городской психолого-педагогический
университет**